

Александр Рябушенко

**Крылатая летопись Мика
Стоуна. История вторая.
Миры – миражи. Часть 2**

Крылатая летопись Мика Стоуна. История
вторая. Миры - миражи. Часть 1. Аудио.

Александр Рябушенко

**Крылатая летопись Мика
Стоуна. История вторая.
Миры - миражи. Часть 2**

«Автор»

2026

Рябушенко А. С.

Крылатая летопись Мика Стоуна. История вторая. Миры - миражи.
Часть 2 / А. С. Рябушенко — «Автор», 2026 — (Крылатая
летопись Мика Стоуна. История вторая. Миры -миражи. Часть 1.
Аудио.)

Мику открывается тайна Антагора. Он также узнаёт, каким был прадед Джордж Стоун - разведчик дальнего космоса. Опасная планета, пиратский мегаполис Хингар, "логово" принца Вуанского - Мик Стоун вместе с бродягами космоса продолжает путешествие по Галактике, ввязываясь в рискованные авантюры. Но, где бы его не испытывала на прочность судьба, он всегда помнил, что является выпускником военной академии, наследником офицерской династии, солдатом цивилизации землян. Его соперник по академии Стив Найт, с которым Мик пересекается только мысленно, не имеет такой опоры, такой родословной, поэтому цивилизация землян для него всё больше становится чужой. И он выбирает другой путь.

Содержание

Глава	5
Тайна Антагора.	6
Туманные зори "Стареющих дев".	17
Хингар.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Крылатая летопись Мика Стоуна. История вторая. Миры - миражи. Часть 2

Глава

Тайна Антагора.

Уже несколько суток Антагор не показывался из каюты. Сославшись на плохое самочувствие, он даже пропустил вахту, чего с ним раньше никогда не бывало. Старшина озабоченно строил догадки, но побеспокоить Антагора не решался. Он только раздражался, ворчал и гонял команду по пустякам. Паркет и Макси уже третий раз разбирали Патронташа, но слаженной пульсации контактов, так пока добиться и не смогли. Паркет задумчиво расхаживал вокруг технического стола и высказывал одно предположение за другим, а Макси проверял его идеи на практике, ковыряясь внутри, рассоединённого на части Патронташа. Зато Множителя облачили в новую бронированную обшивку и приделали руку, которая, на радость её обладателя, отлично выполняла самые сложные движения. Множитель теперь часами гордо расхаживал по кораблю и крутил рукой всё, что ему разрешалось по уставу.

Мик проснулся рано, в скверном расположении духа. Джейн во сне опять насмеялась над ним, а рядом с ней неизменно чудился Стив Найт в образе античного героя. Он надменно улыбался и отпускал колкие шуточки, о событиях на Бетельгейзе. Стоун был расстроен.

До вахты оставалось ещё целых два часа, а Мик уже успел отругать Сквоша, за завтрак приготовленный, как говорится, с лентой и без души. Проверить крепки ли замки в камере Бездельника, не забыв поздравить самого заключённого, с двухмесячным сроком пребывания в заточении. Успел отчитать крепким словом Паркета и Макси за издевательство над собратом роботом, а по дороге в рубку сумел-таки испортить настроение Множителю, показав старой машине, чего не может сделать её новенькая рука. Вдоволь налаялся со старшиной, который теперь частенько залезал в кресло командора и пытался приказывать ему – Стоуну, что было недопустимо, и крайне унижительно, для человека. Мик, не раздумывая больше ни минуты, треснув синим свечением в проёме люка, да так, что у старшины ёкнули током контакты, выскочил из центральной рубки и поспешил с наболевшей жалобой в каюту командора.

Антагор сидел на кровати, в излюбленной позе, поджав и скрестив ноги. Внимательно, кадр за кадром просматривал на экране видеоролики, и неторопливо что-то заносил в приборы громоздившиеся рядом на столике. В каюте, вне обыкновения, царил беспорядок. Старинные книги, пожелтевшие, в обветшалых обложках, иногда, с примятыми листами; раскрытые, топорщащиеся множеством закладок, они валялись и на полу, и на койке, и даже на столике поверх приборов. Тут же стояли узенькие, но ёмкие слайд - каталоги содержавшие в себе целые научные библиотеки информации. А также глобусы-карты позволявшие изучать не только поверхности звёзд и планет, но и заглянуть в их глубокие недра. Все эти приборы были изготовлены, или самодельно, роботами-умельцами, или имели внеземное происхождение.

Мик молча застыл на пороге, шныряя любопытными глазами и там и сям, пока Антагор был поглощён делом. Мик с восторгом отметил: «В каюте, как он и предполагал, есть-таки скрытая комната, и сейчас вход в неё был открыт. Вне сомнения, это должна быть химическая лаборатория, так как в каюте на специальных столиках, да и просто на полу, появилось много научных аппаратов, которых он здесь раньше не видел, и которые, скорее всего, использовались для химического синтеза и спектр анализа вещества. Многие аппараты ему незнакомы, видимо, они принадлежали другим цивилизациям».

Сам Антагор облачённый в атласный комбинезон, с белой материей обмотанной вокруг лба и затылка, с тёмной накидкой на плечах, походил на факира создающего иллюзию для непосвящённых.

Стоун топтался на месте.

— Можно войти?

— Входи.

— Я уже вошёл.

— Тогда проходи, — буркнул Антагор.

— Роботы совсем заели, — пожаловался Мик. — Не машины, а ржавые колоды. Воображают себя техническим совершенством.

— Для своего уровня, они совершенны, — философски обронил Антагор, роясь в каталоге слайдов, и не обращая внимания на Стоуна.

Мик прошёл к удобному широкому креслу, и небрежно развернув его ногой, плюхнулся, да так, что скрипнули регуляторы.

— А старшина! Ох, и сухарь! Ох, и носорог, я тебе скажу, никому проходу не даёт. Стоун, сделай это, Стоун, сделай то, будто я ему робот какой-то.

Антагор бросил слайд-каталог, и стал рыться в книгах, бормоча себе под нос какие-то формулы. Стоуна ещё больше подстегнуло, такое равнодушие:

— Да посмотри, что у нас на корабле творится! — не выдержал Мик. — Лот не вылезит из командорского кресла, и всем заявляет, летим куда надо, не беспокойтесь, куда надо, туда и прилетим. Ну почему он, робот, знает, куда мы летим, а я, человек, не знаю?!

Но Антагор, даже не обратил внимания на Стоуна, он только обрадовался, когда нашёл нужный текст в книге, и снова взялся за каталоги.

— Нет, а эти двое, золотых дел мастера! — не мог успокоиться Стоун, вращаясь в кресле из стороны в сторону. — Доконали они собрата своими отвёртками, третий раз разбирают. А я так скажу, Патронташ им не нужен, воспользовались случаем и думают, спишут машину. Слышал, они хотят продвинуть в сержанты Множителя, говорят, вроде бы Патронташ уже утратил все свои боевые качества, пора новых продвигать. Кого продвигать? Множителя? Да у него только обшивка новая, а остальное труха!

Антагор мельком взглянул на покрасневшего от возмущения Стоуна, и нехотя буркнул:

— Конечно, Множитель примитивен...

— Поэтому и роботам ясно, в должности сержанта он для них гораздо удобней, чем хитрец Патронташ, которого так просто в угол не поставишь. А этот, Сквош! — воскликнул Мик. — Разве это кок? Давит меня кашами, вредитель, жмот в фартуке!

— Пост сейчас, курей не полагается, — усмехнулся Антагор.

— Ну и порядочки, — продолжал недовольствоваться Стоун. — Зато Бездельник присмирел, сама невинность, очки набирает.

Мик подозрительно покосился на Антагора, на его упряманную под чалму голову и оценил шрам, который оставила, на испаханном рубцами лице, недавняя глубокая рваная рана.

Антагор, будто почувствовал взгляд и мысль, направленные на него с интересом, и в ответ спросил:

— Плечо болит?

— Да так, иногда. Но отметина от ожога, — дёрнулся Стоун, вспомнив недавние муки, — осталась приличная, долго лечиться надо, чтобы чистой кожей прикрыло. Но где? И когда? Видно, так и придётся носить отметину первой моей боевой славы, такой неудачной и глупой, — он усмехнулся и с грустью замолчал.

Антагор включил экран и настроил его на просмотр видеороликов.

— Переходной инкубатор, — кивнул он.

— Ой! — удивился Мик. — Что это? Что снимают?

— Старшина побил все капсулы, и всё что мы можем увидеть, это как выскакивает вещество и гаснет жизнь этих бедолаг миноидов, видимо, намеревавшихся стать теньями.

— Да, бесперомонно он их, — согласился Стоун. — Почему он не заснял лабораторию? У него что же работала только одна камера?

— Нет, целых три, он, как робот с боевыми навыками, увидел врага и сразу приступил к делу.

— Значит, прежде чем стать тенью, миноид должен пройти инкубацию? — заинтересовался Мик.

— Похоже, что так. Целая фабрика по созданию разведчиков-невидимок, и где, в вихрях чёрной дыры и звезды Бетельгейзе. Кто бы мог подумать, что такое возможно, — Антагор дальше прокрутил видеоролик. — Конечно, Лот бездарный оператор, всё что мы видим, это крушение наших надежд, что-либо увидеть. То он закрывает рукой нужную нам камеру, то он сворачивает ей воротничок, уводя глазок в сторону. А там где изображение как подобает, мы видим только добросовестное уничтожение имущества миноидов. Но всё-таки, кое-что интересное он нам запечатлел. Лаборатория с ромбом посередине, — комментировал Антагор происходящее на экране. — Как ты думаешь, что это такое?

— Похоже, здесь, аккумулируется вещество необходимое для биохимического синтеза, — предположил Мик.

— Вот именно! Обрати внимание, Лот посылает лучи, пытаясь разбить этот своеобразный аккумулятор. Что мы видим? Ни одной царапины на поверхности ромба. Лучи проваливаются в пустоту, разверзая тёмный газ, исчезают, поглощённые невидимыми антиполями.

— Надо думать, — согласился Мик, — антенны на поверхности станции играют значительную роль в концентрации вещества. Не исключено, верхние антенны берут анти энергию во взаимном тяготении двух гигантских тел, чёрной дыры и звезды Бетельгейзе, пропускают через децентрилий, в баках-резервуарах станции, и аккумулируя её часть, избавляются от излишка через нижние антенны, тем самым, стабилизируя накопленное антивещество внутри ромба.

— В общем, поразмыслив, я тоже пришёл к такому выводу, — кивнул Антагор. — Но вот что интересно, децентрилий кипит, потому что через него пропускают анти энергию. И как ты думаешь, какова температура кипения в баках?

— Думаю, приличный минус, — пожал плечами Мик.

— Абсолютный ноль, — мотнул головой Антагор. — Тут есть над чем задуматься. Похоже, наши братья, или как их там, враги по разуму, сумели создать миниатюрную копию чёрной дыры. И вот в этом ромбе гравитационная воронка, удерживаемая непонятными, пока для нас, силами магнитных полей, так сказать, пропуск в антимиры.

Мик почесал затылок, на лице застыла маска сомнения.

— Если так, то что же тогда в саркофагах? Ведь не просто так, они поставлены?

— Не просто так, — согласился Антагор. — Не исключено, там вызревают формы, оболочки для будущих теней.

— Но они же невидимы? — привстал Мик.

— Для нас невидимы, но приборы их чётко фиксируют.

— Я видел в саркофаге человека, — сказал Мик, содрогнувшись, и встав с кресла, стал ходить, минуя книги и аппараты.

— Абсурд, — улыбнулся Антагор, — привиделось не больше. Да и не одна камера не взяла человека в кадр.

— Мои камеры сгорели вместе с обшивкой скафандра и мне нечем доказать. Но я точно видел, тело человека в гроте теней, куда меня поставил Лот, после того, как намылил противной едкой пеной.

— Нет же, Мик, это галлюцинации. После такого шока, это более чем реально. К тому же, увидел бы Лот, ведь он был рядом, а он неплохой разведчик.

— Верблюды он, а не разведчик! — обиделся Мик. — Что вообще он мог увидеть, если ещё на корабле у него руки чесались в предчувствии драки, рад что добрался.

— Ну ты поёшь! — взмахнул руками Антагор. — Сказать такое о невиннейшем существе, о моём многоруком добром помощнике, о первом рыцаре Галактики! Да он без причины, букашку не обидит.

— Ну да, зато миноидов в колбах, как только увидел, сразу на пол выпустил.

— Не сравнивай, миноиды другое дело. С миноидами он не церемонится.

— И всё-таки человек был! — с упрямым чувством настаивал Мик. — Был, хоть мне и не верят.

— Вот люди! — воскликнул Антагор, ударив себя ладонями по голенищам. — Да пойми, чудак, согласиться с таким утверждением, значит поставить людей выше вуанцев и других цивилизаций, поставить их на одну ступень с такими сверхцивилизациями, как миноиды и ригоиды. Но это же абсурд!

— А почему бы не поставить, мы и так выше других, побиваем же мы их техникой, и интеллектом не уступаем. Что правда, мы не можем делать все эти хитрые манипуляции биоэнергией, но нам и не к чему. Мы сделаем робота, он будет посылать биолучи и читать мысли, не хуже тех же миноидов.

— Вот наивность человеческая, — изумился Антагор, — только пять веков, как покинули планету, и уже всех побиваем. Да пойми же, психикой человек безнадёжно слаб, он подвержен любому воздействию со стороны. У вуанца разум непробиваем и статичен, миноиды и ригоиды не только хорошо нападают, но и защищаются. А человек? Пока он окружён техникой, он ещё что-то да значит. Но начини над ним какой-либо эксперимент, связанный с изменением биополей, материй, его самой сущности, он же чокнется. Его психика не выдержит, даже малейшего изменения биоформы. Структура мозга у него такая, обезьянья, ничего уж тут не поделаешь.

— Ты хочешь сказать, мы от обезьяны, что ли, свой род ведём? — Мик подёргал воротничок и с некоторым высокомерием поправил горловину комбинезона. — Это по Дарвину, я правильно понял? Устаревшая теория, я с ней абсолютно не согласен, и вряд ли кто-то из людей согласится. Мы люди, созданы биосферой Земли и Великим Разумом космоса. Мы особая цивилизация. Мы непохожи на других, у нас свои корни.

— Да уж, чего не отнимешь у людей, так это непомерную гордость за самих себя, — с досадой и пренебрежением отмахнулся Антагор. — Этому тебя в академии научили?

— А где же ещё? Только человек, которому с детства привита гордость за свою цивилизацию, способен не задумываясь отдать жизнь за её процветание и благополучие.

— Прекрасно! Экзамен по идеологии сдал, садись высший бал! А вашему профессору, или кто вас там, не знаю, подковывал золотыми подковами, ему повышение и почёт за добросовестную службу во благо цивилизации, — съязвил Антагор. И с горестью подумал, что Мик уже неисправимый солдафон, что он за шесть лет учёбы в академии корнями впитал и муштру, и идеологию, и строгую военную иерархию. Он стал принадлежать системе вскормившей и воспитавшей его, и свободным от всяческих пут бродягой, рыцарем космоса, ему уже не стать никогда. Хотя, как знать, путь к земной цивилизации неблизкий, и возможно, он ещё изменится, повидав просторы, надышавшись вольности.

Антагор опять занялся изучением слайда-каталога, а Мик, сгорая от непомерного любопытства принялся рассматривать приборы на столиках и аппараты на полу, тянувшиеся цепочкой к входу в потайную комнату. И Мик не выдержал искушения, ловко минуя препятствия, он протиснулся к открытому проёму, и заглянул, в следующую же секунду исчезнув внутри. Когда он появился из потайной комнаты, лицо его дышало просветлением.

— Триста лет хотите прожить, господин Антагор? — улыбнулся он.

Антагор потрогал чалму на голове, и спросил:

— А есть сомнения?

— Есть! Мне, кажется, я понял кто вы!

— Интересно-интересно. Кто же я? — Антагор бросил теребить слайд-каталог и устремил пристальный взгляд на Стоуна.

— Мне, кажется, вы мутант, — чуть ли не официально подчеркнул Мик.

Брови у Антагора поползли вверх и скрылись под чалмой.

— Это уже становится забавным, прямо-таки по земному. Вначале моего верного друга ни за что, ни про что, всякими словами, а теперь и меня, хозяина корабля, носом да в отхожую яму.

Мик смутился, но как истинный боец не отступил.

— Я только что был в вашей тайной лаборатории, и видел всё...

— Что видел?

— Биологическими опытами занимаетесь! Я давно подозревал, но сомневался, не хватало последнего звена, чтобы соединить цепь моих предположений.

— Да ты опасный тип, — с долей иронии сказал Антагор. — Разве я похож на уродца-мутанта?

— Вы изменили структуру, годами проводя эксперименты на себе. Вы не то существо, за которое себя выдаёте.

— И есть доказательства? — Антагор смиренно сложил руки на груди и ждал.

— Есть.

— Это уже серьёзно, — расхохотался Антагор.

— Почему ты смеёшься?! — вспыхнул Мик, залившись бордовой краской до ушей. — Я серьёзно! Если ты мутант, сознайся, не таись, всё равно же тебе ничего не будет.

— Ну я надеюсь, — опять затрясся от хохота плечистый гигант, поддерживая чалму руками. — Слушай, ты с какой ноги сутки начинаешь? Меняй ногу, меняй! Так нельзя, — хохотал Антагор, — не то с язвой породнишься, уж она-то тебя достанет.

Личико Мика приобрело возмущённое выражение.

— Человек, один среди роботов, долго жить не сможет, сойдёт с ума, — бросил он, словно обвинение.

— Но позволь, я же не всегда один, иногда меня посещают риганопусы, делятся новостями.

Наступила очередь Мика, посмеяться, что он и сделал кривой усмешкой.

— Знаю я риганопусов, с ними даже в одной камере находиться невозможно, если сидят, всё равно что мебель, а если открывают рот, начинают умничать. Я читал отчёты экспедиций специально посещавших станции, заражённые радиоактивными отходами, а также статьи учёных, спецов по мутациям, все они говорят одно...

— Что я мутант? Если уже учёные говорят, тогда сдаюсь, — Антагор демонстративно поднял руки, и изобразив на лице удивление, снова запустил брови под чалму.

— Только мутанты в состоянии выдержать долгую одинокую жизнь, — не мог успокоиться Мик. — Они стремятся к одиночеству, избегают какого-либо общества, даже себе подобных. Да и твоё мировоззрение противоречит общечеловеческому. Я думаю, ты один из тех, кто в детстве, или даже раньше, пережил радиационную катастрофу, в космосе такое случается сплошь да рядом. Я думаю, твои родители...

— Вот только моих родителей не трогай, горе-разведчик, — сказал Антагор и, уже с серьёзным выражением на лице, поднялся с кровати. Сделав несколько быстрых разминочных движений, он хрустнул сухожилиями, да так, что Мик неуклюже попятился, отступил, и сжал кулаки, на тот случай, если придётся драться. — Прекрасно, значит, я мутант? — расталкивая аппараты и столики-тележки, Антагор прошёлся по комнате и скрылся в своей тайной лаборатории.

Мысль у Стоуна колебалась, словно растревоженный маятник, то в одно полушарие мозга, то в другое. Он то бурно и очень ярко представлял, как в рукопашную сражается со

здоровьяком Антагором, то вдруг оценивал происходящее трезвым рассудком и сожалел, что не прихватил оружие. Но вместо ожидаемой агрессии, Мик увидел Антагора с маленьким подносом в руках, на котором стоял туго закрытый графин, наполовину заполненный жидкостью. А глянув на добродушное улыбающееся лицо Антагора, Мик сразу смекнул: «Так, мутант пошёл на мировую, видимо, не желает связываться с нами Стоунами».

Мик поискал глазами пластиковые стаканы, и убрав в угол лишние, поставил два из них на столик.

— Мы люди, всегда поймём других, на то мы и люди, — и сделав заинтересованное лицо, Мик добавил, — с утра жжёт в горле, так что я не прочь прополоскать.

— Я так и понял, — улыбнулся Антагор.

— О, так у тебя есть рюмочка! Но почему только одна? — Мик внимательно изучал фигурный графин, ручной работы, и рюмочку-тонконожку, которую предусмотрительный хозяин достал из ячейки в столике.

— Это наследственная, командорская, и пью из неё только я, — сказал Антагор.

— Подумаешь, какая гордость, — и Мик поставил рядом стаканы. — В таком случае, я пью сразу из двух!

— погоди, не торопись, без подготовки два стакана тебе не одолеть.

— Ничего, как-нибудь, у нас у Стоунов кость крепка, а на раскачку мы время не теряем.

— Как знаешь, моё дело предупредить, — Антагор вытащил пробку из горлышка.

Мик склонился над графином, потянул ноздрями пары и откинулся назад, едва удержавшись на ногах. Из глаз хлынули слёзы, во рту слиплась слюна, будто свернувшийся клей, а в голове застучал колокол, закрывая бурыми набегающими пятнами всё вокруг. Мик покачнулся и попытался сесть.

— Эту жидкость пить нельзя, — сказал он, искажая речь заплетающимся языком.

Антагор придвинул кресло, усадил потерявшего ориентировки Мика, и снова взгромоздившись на койке, начал рассказ из далека. Стоун, у которого всё ещё наворачивались слёзы, а в голове стучал колокол, сквозь пелену наваждения, застилавшую сознание, не мог понять, действительно ли он слышит, то что слышит, или это ему говорит его же, возбуждённый парами напитка, разум.

— Судьбе было угодно сделать меня заложником на космической станции миноидов, что вращалась вокруг Юпитера, пять веков назад, — не торопясь, как-то отрешённо повёл свой рассказ Антагор. — Миноиды проводили эксперименты на людях, ну как люди на животных, и пытались, по возможности, самых достойных приобщить к своей культуре. Таким достойным, как ни странно, оказался – я, — Антагор, с нескрываемой гордостью, блеснул глазами. — Я был выбран миноидами среди миллиардов жителей Земли, Не скрою, мне польстило такое проявление уважения, к моей персоне. Я не возражал, и меня стали обучать всем премудростям бытия, совершенно чуждой для меня цивилизации. Не все миноиды поняли силу человеческого разума, а может и поняли, да испугались. В общем, они уготовили землянам скверную участь, и больше всех старался некий Марс – лучший воин, а по мне, так первый бандит в Галактике. Он, словно сорвался с дьявольского трона, крушил всё, что попадалось ему на пути. Научная станция превратилась в ад.

Пелена наваждения сошла, Мик очнулся, словно протрезвел, и подумал: «Вот же, красиво наливает, прямо как наш профессор истории, когда рассказывает о первых полётах человека».

— Мы на Земле об этой истории ничего не знаем?!

— Естественно, — сказал Антагор. — Землян не коснулась драма разыгравшаяся на орбите Юпитера. Всё свершилось, как говорили древние, на небесах.

— А что же Марс, этот галактический воин? — спросил Стоун, недоверчиво улыбаясь.

— О!— воскликнул Антагор, вскинув могучие руки, — у него всё было бы хорошо, но его подвела излишняя самоуверенность. Он считал, ему всё позволено, забыл, что он всё-таки, всего лишь Марс, а не Юпитер.

Антагор стал подробно излагать историю, слушая которую лицо Мика то вспыхивало восхищением, то недоверчиво расплывалось в улыбке. Но когда командор замолчал и задумался, Мик не выдержал:

— А что же дальше? Что же было потом?

— А дальше, — Антагор улыбнулся, как-то счастливо и одновременно грустно, с тяжёлым вздохом, — дальше я сам выбрал свою судьбу. Я, мои друзья, а также роботы, мы ушли на трофейном крейсере в космос. Техникой миноидов мы владели, прямо скажу, не очень, и ошибок сделали – пропасть. До сих пор не пойму, как нам удалось не погибнуть в космосе. Но меня манили звёзды. Крейсер вёл автопилот, по программе настроенной ещё прежним хозяином. Понимаешь, мы вообще не знали куда летим. И первое солнце, у которого мы остановились, наш единственный штурман робот Паркет, тогда определил как звезду Барнарда. В её честь, по случаю первой победы, мы и дали название нашему трофейному крейсеру. Потом, спустя годы, когда мы в космической навигации уже считали себя настоящими волкам, мы просматривали старые записи полётов, сравнивали астрокарты миноидов и атласы землян, и выяснили, что это была не Барнарда. Но название уже сроднилось с нашим кораблём, и менять его никто не захотел. А настоящую звезду Барнарда, мы так никогда и не видели.

— Занятная история, — заговорил Мик. — Но не станешь же ты утверждать, что прожил пятьсот лет, — и Стоун снисходительно усмехнулся. — Мы, люди двадцать пятого века, после стольких стараний биологов и медиков, живём сто двадцать – от силы сто пятьдесят лет. Но пятьсот, вы меня извините – это сказка.

— Живут же вуанцы пять столетий, и даже не стареют, — не смущаясь, продолжал Антагор. — А жизнь миноидов и ригоидов длится десятки тысячелетий, по нашим-то меркам вообще вечность.

— Миноиды другое дело, — возразил Мик, — землянам это недоступно.

— Почему же? — Антагор постучал по графину. — Биосостав созданный миноидами на той научной станции, что была на орбите Юпитера, специально для землян, для экспериментов конечно же.

— От этой жидкости, скорее, ноги вытянешь, чем продлишь себе жизнь, — недоверчиво сказал Мик.

— Ну, смотря как принимать, — улыбнулся Антагор.

Он взял специальным пинцетом миниатюрную пробирку, и открыв графин, опустил её вовнутрь, даже не прикасаясь ею к мутноватой жидкости. Вскоре пробирка тоже помутнела, покрывшись парами. Антагор достал её и закрыл графин. Не минуло и минуты, как на донышке пробирки осела жидкость, не больше капли, но она была прозрачная, как слеза. — Вот это и есть моя норма, — весело сказал Антагор, и плотно запечатав, поместил пробирку в ячейку, среди таких же приборов. — Потом эта капля разбавляется и принимается в течение недели. Понятно?

— Ничего мне не понятно, — заворчал Мик, но в глазах уже заискрилось любопытство. — Как ты додумался? Тебе что, миноиды рассказали?

— О нет! Старик там один, хвала ему, принимал этот эликсир регулярно, к тому же на станции полно было системных хранителей информации. Я их забрал на звездолёт. Вот с ними, я и советовался. Расшифровал формулу, кстати, как всё гениальное, она проста. Состав заставляющий клетки человека обновляться с необыкновенной быстротой, сохраняя и продляя жизнь. Вначале я пользовался эликсиром, который прихватил на станции, потом мне помогли получить его состав риганопусы. Мимас, мой верный друг, и Адимас, его двойник во Вселенной.

— И сколько он тебе напророчил жить, наш мудрый Мимас? — спросил Мик.

— Он сказал, что не имеет права об этом говорить, с таким вопросом надо идти к Великому Оллу.

— Похоже-похоже на мудреца Мимаса, — рассмеялся Мик. — Он если чего не знает, посылает к Оллу и умывает руки.

— Так-то оно так, но всё же, как ни старался я в своей лаборатории, — Антагор рукой показал на открытый проём, — как ни мудры ригойды, колдовавшие над составом живительного эликсира, но увы, превзойти миноидов им не удалось. Прежний биосостав действовал мягко, я словно рождался заново. А новый, дерёт ткани так, что мутит разум, лихорадит тело, а голову делает подобной чугунному ядру, — Антагор потрогал перемотанную тканью макушку. — Сегодня я уже чувствую себя намного лучше, даже работать могу, но в предыдущие дни, — он покачал головой, — как будто на тёрке меня скребли, весь горел.

— Естественно, зато очистился, ещё лет этак на сто, — подтрунивал Мик.

— Если бы, я опасаюсь, что скоро придётся принимать эту микстуру каждые два-три месяца, иначе быстро старею. Да и ты прав, я немного мутирую, ведь раньше я не был таким. Изменения в тканях, а также постоянные физические упражнения, привели к тому, что я стал похож на этакое чрезмерно раздувшегося гиганта, даже ростом выше стал.

— Конечно, особенно это заметно, когда видишь тебя рядом с нашими тощими друзьями-риганопусами, — согласился Мик, у которого, вдруг, округлились глаза, так как ему в голову пришла гениальная мысль. — Потрясающе! Да знаешь, что теперь будет?! — воскликнул он.

— Что будет? — с непониманием взглянул Антагор.

— Если эта жидкость, действительно, чудодейственное средство дарующее долгую жизнь. Мы спасены!

— Кто спасён? — брови Антагора вылезли из-под чалмы и сошлись на переносице.

— Как кто?! Всё человечество!

— От чего же их спасти?

— Как это от чего, от вымирания, конечно.

— Что-то непохоже. Род человеческий скоро станет самым многочисленным, среди цивилизаций. И вытеснит остальных, куда-нибудь на окраины, прозябать на останках былой славы.

— Да пойми же, благодаря эликсиру, мы станем настоящей супер цивилизацией, вровень миноидам и ригойдам.

Мы будем жить не меньше, чем они.

И Мик представил, как его отец, и дядя Брук, встретились дома, на Земле, и отмечают своё первое тысячелетие. Они в прекрасной физической форме, а лица сияют радостью и благодушием. Тут, даже год туда, год сюда, не имеет уже значения. Мик счастливо улыбнулся и представил себя молодого и статного, в мундире капитана, рядом с ними. И даже резко выдохнул от удивления: «Надо же, мне к тому времени уже минует девятая сотня». Он представил Джейн, такую же молодую и красивую, живущую вечно, и его сердце взволнованно застучало, затрепетало надеждой. Возник образ Найта, лицо Мика тут же исказилось злобой и презрением: «Этому шиш! Сто лет ему, не больше, и нечего ему маячить между мной и Джейн, выскочка, самохвал».

— Ну ты даёшь, — усмехнулся Антагор. Его взгляд буравил глаза и чело Мика, будто старался найти лазейку к самым сокровенным мыслям Стоуна. — И всё-таки, кто такая Джейн? — спросил Антагор, так и не сумев раскрыть золотой ларчик наваждений.

Мика тухнуло, пробрало до кости и вернуло к действительности.

— Ты этого больше никогда не делай, — чуть ли не с угрозой проговорил Мик. — Мои мысли, это мои мысли, и нечего другим в них ковыряться.

— Извиняюсь, если потревожил, — поднял руки Антагор. — В телепатии мне действительно не хватает чуткости ригоидов, здесь я их вечный ученик, считай младенец.

Мик немного успокоился и уже на правах познавшего истину, самоуверенно продолжал:

— Да как ты мог хранить такой секрет от людей, учёные головы ломают, в поисках новейших средств для продления человеческих жизней. А ты бац, к рюмочке приложился, и на тебе, пятьсот лет живёшь и ещё не доволен, видите ли мутирует, не в карлика же в конце концов. А как-никак растёшь, здоровеешь, значит прогрессируешь.

— Я и сейчас не собираюсь людям открывать свои секреты, — сказал Антагор.

— Как?! — Мик деловито маршировавший у кресла, даже забыл поставить ногу на пол, застыв, будто его опять стукнуло прозрение. — Я, наверное, не понял? — осторожно спросил он. — Но эликсир принадлежит всему человечеству. Ты не можешь, не имеешь права один обладать такой тайной.

— Почему это не могу? Моя тайна, хочу, обладаю, хочу нет. И никому, кроме меня, эликсир не принадлежит, — Антагор встал и усадил встревоженного Мика в кресло, — не торопись, вопрос гораздо сложнее, чем ты думаешь.

— Что, есть какие-то трудности?

— Есть. Во-первых эликсир недоработан.

— Ерунда! Наши учёные быстро его добьют до кондиции, уж будь уверен, головы у них что надо.

— Я и не сомневаюсь. Но задай себе второй вопрос. А зачем? Зачем землянам, на данном этапе развития, продлять себе жизнь?

Мик чуть не задохнулся от возмущения, услышав такое.

Антагор тут же продолжил, не дав возможности Мику выстроить словесную тираду в ответ.

— Большинство людей не знают, что делать, даже с той жизнью, которая им дана. Посмотри статистику, каждая десятая смерть самоубийство. У какой цивилизации ты найдёшь такое?

— Что же тут удивительного. На станциях, в космических городах, непросто жить, — парировал Мик. — Слабые отсеиваются, сильные продолжают движение. Мы развивающаяся молодая цивилизация.

— Психика у людей ещё не дотянулась до космического уровня, — улыбнулся Антагор. — Нагруженные эмоциями и трудностями бытия, они не в состоянии тащить такую психологическую ношу более ста лет.

— Почему не в состоянии? Мы очень даже в состоянии, — возразил Мик.

— Это в тебе говорит не разум, а инстинкт самосохранения любой ценой.

— Но ведь ты же прожил пять столетий, и не надоело, и не нагрузился трудностями бытия, и знаешь, что тебе делать.

— Я, другое дело, мне предначертан и предсказан был путь скитальца в космосе, одному из миллиардов землян. И я его прошёл, и с друзьями, и в одиночестве, через все страдания. Я более устойчив, легко переносу одиночество, бесконечность времени, и нахожу себе занятие, и даже вижу в этом смысл. Но даже мне, порой невыносимо тяжело, прошло всего лишь пять столетий, а мне, кажется, я живу вечно. Я чувствую себя мучеником времени и узником безграничного пространства, ощущаю себя скитальцем вечности, судьба которого затерялась где-то на Земле, ещё в двадцатом веке. А может быть и не в двадцатом, а раньше. И, возможно, скитаюсь я по Вселенной от сотворения Мира, и не найду покоя до всеобщего великого крушения, всех законов природы. Нет, отдать сейчас эликсир землянам – наихудший дар, который я могу им преподнести.

Мик хотел было вскочить с кресла и возразить, но Антагор властным жестом усадил его обратно, и продолжил:

— Почему земная цивилизация так быстро развивается? Да потому, что каждое приходящее на смену поколение привносит в общество новые мысли, идеи, продвигающие человечество вперёд. Насколько продлиться человеческая жизнь, то есть приостановиться смена поколений, настолько и замедлится развитие самой цивилизации. Возьмём, для примера, усыхающих миноидов, или заживо усопших ригоидов. Все роли у них распределены, все хорошо устроились и двигать прогресс в обществе им незачем. У них отсутствует основной мотор в обществе: молодые, талантливые, неопределившиеся и неукротимые, те, кого пустой подачкой не обуздать. Те, кто стремятся идти далеко, и желают шагать широко. Такие отвоюют себе место под звёздами, продвинув по ходу дела и общество вперёд. К тому же, имеется и другая отрицательная сторона длительного бытия. Основная задача поколения, то есть продление рода, станет никому ненужным отжившим явлением. Все цивилизации переступившие предельный порог долголетия, как великие, так и не очень, строят инкубаторы и искусственно выращивают потомство, в определённом количестве, по заказу, по потребности в обществе. Как правило, такие цивилизации стареют, хоть и долго ещё остаются на высоком техническом уровне. Ригоиды садятся и заявляют, что им безразличны конфликты в Галактике, миноиды пытаются собрать осколки рухнувшей империи, цепляясь за былую славу. И если сейчас я отдам эликсир землянам, их постигнет ещё более печальная участь. Они постареют, как сообщество, раньше определённого им природой срока, так и не достигнув вершины своего развития.

Стоуна передёрнуло от слов, что они, земляне, постареют как сообщество.

— Мы никогда не одряхлеем! Нам, человечеству, судьбой уготована особая миссия во Вселенной. Мы будем развиваться и расти беспредельно.

Антагор расхохотался от такой забавной бравады.

— Случай, вот он-то и решает судьбы цивилизаций. И поверь мне на слово, земляне могли прекратить своё развитие, даже существование, и пять веков назад, и гораздо раньше, не сыграй судьба с миноидами злую шутку. Да что там говорить, земляне вообще могли не появиться на свет, сумей миноиды решить свои проблемы по-иному.

— Ты хочешь сказать, — чуть не задохнулся Мик, — мы от миноидов пошли?! Это ложь и клевета врагов, чтобы подорвать, расколоть наше единство, нашу прочную военную систему!

— Может быть, может быть, — Антагор перестал улыбаться. — Я рад, что вы так держитесь друг за друга. Но случай плохой помощник, вчера он пошутил над миноидами, а завтра споёт печальную песнь вам, землянам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Миноиды попытаются исправить свои прежние ошибки, они сделают всё, чтобы уничтожить землян.

— Они не посмеют и носа сунуть через наши границы, небось, помнят ещё прошлую трёпку.

— Уже посмели, — с сожалением сказал Антагор. — Более того, они нанесли серьёзный урон землянам, настолько серьёзный, что судьба снова бросила свой жребий на весы его величества случая. Или земляне победят, или будут оттеснены на задворки истории, и уже никогда не поднимутся.

— Но как же?! — Мик привстал. — Это что же, война?

— Да война. И теперь многочисленные Миры, союзники землян, держатся в стороне. Землянам придётся вести войну один на один, с очень искусным противником. Теперь их Повелитель, не так наивен и самоуверен, оценивает землян по достоинству, и армада крейсеров у него, что надо, а пилоты у миноидов — это высший класс.

— Лучшие пилоты — это мы! — не выдержал Мик.

— Ну, это ещё придётся доказать. Хотя, я думаю, — Антагор сделал паузу, — исход войны решит не мастерство пилотов.

— Тебе Мимас поведал о войне? — спросил Мик.

— Да, когда мы расставались, он сообщил мне эту печальную новость. Меня всегда восхищала способность ригонидов видеть и общаться сквозь пространство.

— И такая цивилизация опять в стороне, — с досадой сказал Мик. — Могли бы у нас разведчиками работать, или хотя бы связистами.

— Для этого им пришлось бы подняться, — рассмеялся Антагор, — а им некогда, надо постигать мудрость.

— И ты столько времени молчал? Не сказал ни слова, о том что творится.

— Не хотел до Бетельгейзе тревожить твой разум, он и так неспокоен.

— Я уверен, самое время подарить землянам чудесный эликсир жизни, — с твёрдой настойчивостью заявил Мик.

— Нет, я никогда не сделаю такой губительный шаг. С годами, если ты останешься в нашей команде, я поделюсь с тобой секретами долголетия, но не сейчас.

«Вербуют, опять вербуют», — подумал Мик.

— Никогда, я присягал на верность долгу и чести.

— Тогда увы, — Антагор с сожалением развёл руками.

— Я понял! — вскочил с кресла Стоун и заметался по каюте. — Так и будешь сам попить свой эликсир и спокойно созерцать, как поколения землян уходят из жизни.

— Буду. А что же мне ещё остаётся делать?

— Я понял кто ты такой! — выпалил Стоун. — В душе ты уже не человек, а мутант, не имеющий ничего общего с земной цивилизацией. Для таких как ты и твоих друзей риганопусов, война не война, жизнь не жизнь, пусть всё идёт как идёт, вы всегда в стороне!

— В твоём возрасте, я тоже думал, что изменю мир. Смогу управлять и судьбой, и случаем, но это не так, всё что я могу, всего лишь сделать выбор и довериться удаче.

— Нам, землянам, вообще, не нужна такая подачка! — кипел Мик. — Мы сами найдём способ продлить себе жизнь!

— Я тоже так думаю. Но учти, Мик, моя лаборатория всегда на замках, а замки кодировал я.

— Подумаешь! Мне и глотка твоего эликсира не надо, и капли! Я и смотреть на него не хочу! А жить тысячу лет, это уже слишком. Зачем, скажите, если и за сто можно сделать всё что требуется?!

Мик сорвался с места, в сердцах махнул рукой и, распахнув свечением люк, выскочил из каюты командора.

— Эх, молодость, — вздохнул Антагор, — силы много, а куда двигать её не знаешь, с возрастом вроде умнеешь и понимаешь куда идти, а силы уже не те.

Он сложил стопкой книги, к которым питал пристрастие ещё с юности, открыл одну из них, пробежал глазами нужный текст, и включив слайд-каталог, занялся сложными вычислениями.

Через полчаса в каюту шагнул старшина.

— Командор, — бесцеремонно загудел он, — со стажёром творится что-то неладное, обругал всю команду, отказался от вахты, заперся у себя в каюте и на все вопросы не отвечает, молчит суслик.

Антагор, не двигаясь и не отвлекаясь от дела, искоса глянул на старшину.

— Не обращай внимания, Лот, у него сейчас ломка прежних, юношеских представлений. Как только он поймёт, что Мир создан не для него одного, а в жизни он всего лишь частица случая, он выработает в себе новую позицию, и я уверен, мы ещё поработаем вместе.

«Странно, вот люди, не поймёшь их, — подумал робот, — если бы я так ломался по пустякам, давно бы рассыпался от перегрева».

Туманные зори "Стареющих дев".

«Барнарда» сел на орбиту одной из планет, роем бежавших вокруг белой звезды, которая превосходила по массе и величине родную звезду Солнце в четыре раза. Сделав несколько витков по орбите, «Барнарда» окончательно затих, и стал на время искусственным спутником непривлекательной тёмно-коричневой планеты.

— Вызывали? — хмурое лицо Стоуна показалось в проёме люка.

Паркет, дежуривший в рубке пилотов, развернул кресло командора.

— Антагор ждёт вас в ангаре корабля, господин Стоун.

Мик скривил недовольную гримасу, и ответил:

— Послушай, механизм неизвестной конструкции, это для меня, он Антагор, а для тебя командор.

— Я ещё не забыл, — хитро брякнул Паркет и с удовольствием потёрся о спинку командорского кресла.

— А что Патронташ? — осведомился Мик.

— Совсем плох Патронташ, кое-какие импульсы у него пробиваются, но признаков работоспособности у него уже нет, — с печалью в голосе отвечал Паркет.

— Эх, доконнали-таки братца, чумовых дел мастера, — Мик в горячах захлопнул световой люк и бегом направился в ангар.

Антагор и старшина в техскладе ангара тщательно подбирали снаряжение для работы. Старшина вытащил на пол содержимое высоких пеналов и деловито подыскивал необходимые инструменты.

— О! Моя старенькая лазерная отвёрточка, а вот и магнитно-импульсные ключи. В мою бытность техником, сколько я ими всякого хлама перечинил, не сосчитать! Я этими нехитрыми инструментами владел не хуже чем сейчас скорострельными пушками, — шумел он, с ног до головы увешанный различными приборами. Весь нужный и ненужный инструмент старшина складывал в открывающиеся чехлы на руках, ногах и туловище. Когда брать инструмент уже было некуда, он самодовольно воскликнул:

— Командор! Я полностью снаряжился, до отказа!

Антагор бросил осмотр автоматического ранца, и повернувшись, сказал:

— Раз готов, помоги снарядиться стажёру, а я проверю как там Макси освоился в кабине ракетноносца.

Старшина открыл ещё один пенал и стал брать снаряжение, для работы в открытом космосе.

— Ваш теплокостюм, комбинезон, скафандр, шлем, перчатки.

Пока Стоун, влезал в защитные оболочки, застёгиваясь на молнии и замки, робот достал автономно-передвижной ранец и приступил к разъяснениям.

— Установка для передвижения в космосе и в разреженных средах планет. Радиус перемещения десять миль, максимальная скорость шестьдесят миль в час. Двенадцать реактивных микродвигателей расположены так, что можно перемещаться: вперёд, назад, в сторону, а также осуществлять любые вращательные движения.

Мик недовольно засопел, и огрызнулся:

— Я, кажется, академию заканчивал. А ты мне рассказываешь, то что я усвоил ещё на первом курсе.

Лот замер, соображая, но, видимо, не придя ни к какому решению, включил рацию.

— Командор! Стоун у нас стажёр, или нет?

— Стажёр, — рассмеялся Антагор. — А в чём дело?

— Да так, уточнили, по службе надо, — старшина выключил рацию и уже с суровой миной повернулся к Стоуну. — Стажёр вы на звездолёте, а значит должны пройти инструктаж, и точка! — гаркнул он вовсю глотку и продолжил методичным тоном. — Установка имеет автономные источники питания, дозаправка осуществляется средствами базового аппарата.

Мик бросил одеваться и закрыл руками уши.

Робот Макси уже с полчаса перебирал на пульте пальцами, забавляясь чёткой работой сигналов. Ракетносец мог работать и в бесконтактном режиме, но Макси предпочитал сенсорное управление. Ему нравилась эта машина, и он любил, залезая в кресло пилота, часами отрабатывать элементы пилотирования. Позади, в кресле дублирующего пилота, сидел Бездельник. Он посматривал по сторонам и потрескивал плохо соединёнными контактами. Бездельник, когда узнал, что операция на Бетельгейзе прошла без него – боевого робота, старой закваски, посчитал себя несправедливо обделённым и чуть не съехал с программы. И Антагор в сердцах пообещал, что в следующем задании, каким бы оно ни было, сложным или нет, рядовой Бездельник примет участие.

Правильный Макси, не долго думая, отключил дублирующий пульт, посчитав, что одного пилота в кабине вполне достаточно, и Бездельник, так надеявшийся сыграть в следующем деле чуть ли не основную роль, вдруг оказался просто пассажиром.

Антагор подошёл, когда Макси отрабатывал посадку, и глянув на пульт, спросил:

— Ну как, сел?

— Сел бы, если бы вы не помешали, — объявил Макси и высунулся из кабины. — Мы готовы, хоть сейчас в путь.

— В общем так, Макси, — уже серьёзно заговорил Антагор, — дело пустяк, но надо выполнить точно.

— Вы же меня знаете, командор!

— Берёте грунт в нескольких местах: низменность, плато – песчаный океан, и горные хребты.

— Не беспокойтесь, наберём по максимуму!

— Главное, это качественно извлечь породу из грунта.

— Качество у нас на уровне! — опять нетерпеливо вскричал Макси.

— Для этого придётся посадить машину несколько раз.

— С моей-то программой, — робот постучал по затылку, — задание – пустяк.

— Будь внимателен, за спиной Бездельник.

— Я позаботился, он вне игры.

Из кабины показалась недовольная голова второго робота.

— Командор! Я балластом ехать не согласен.

— Бездельник, ради бога, лучше ничего не делай. Главное, ты на задании, — с волнением говорил Антагор, — и ничего не крути в кабине.

— Так, крутить же нечего?! — возмутился робот.

— Как знать, ты найдёшь. Значит так, Макси, — Антагор снова приблизился к креслу первого пилота. — Как договорились, проведёшь глубинную съёмку пластов над всем плато и горным кольцом южного полушария. Недролокатором с двух, а недроскопом с высоты одного километра. А общий состав пластов и залежей пород планеты, Паркет прощупает с «Барнарда». Потом сопоставим данные.

— Разве это работа для интеллектуала, прогулка да и только, — загудел на возвышенных тонах Макси.

— Ни пуха! — Антагор постучал по серебристой обшивке ракетносеца.

— К чёрту вас, командор! — прокричал Макси сквозь гул зажённых двигателей.

— И на том спасибо, — улыбнулся Антагор и отошёл в сторону.

Кабина захлопнулась, и оживший ракетоносец пополз к шлюзовой камере. Секунда – другая и в ангаре от него остался лишь дым да пар.

В переговорнике, властными нотками, зазвучал голос Паркета:

— Командор! Зря вы Бездельника на задание отправили, несчастливый он.

— Ничего, — сказал Антагор, — зато Макси трижды удачлив. Я думаю, его счастье перевесит.

Когда Антагор прошёл на техсклад, Мик сидел на ранце и, с видимым равнодушием, теребил крепления скафандра. Лот широко вышагивал вперёд-назад и, как опытный наставник, давал напутствие ученику.

— Запомни, стажёр! Пульт на подлокотниках ранца. Главное, не робей. Берёшь штуцера на себя, запускаешь микродвигатели, и пошёл-пошёл, а дальше, основное, управляй ориентацией в пространстве. Не справишься, твой первый блин комом, ловить тебя придётся по космосу.

— Вы ещё не готовы? — возмутился Антагор. — Макси и Бездельник уже ушли в космос. А ну по скафандрам, живо!

— Что-то старшина сегодня много разговаривает, не к добру, — буркнул без настроения Мик.

— Господин командор, — выступил вперёд Лот, — инструктаж проведён, я думаю, стажёр теперь справиться с управлением ранца.

— Я тоже так думаю, — ответил Антагор, влезая в скафандр.

Лот помог пристегнуть ранцы на крепления, и подключить электроразъёмы. Проверив работоспособность установок, люди надели гермошлемы. А Лот полез в один из пеналов и достал два плотных прозрачных шара, один поменьше, другой побольше.

Мик чуть не покотился со смеху, увидев этот чудо-скафандр изготовленный специально для робота. Совершенно не смущаясь, Лот раскрыл на две половины каждый из шаров и наглухо захлопнул: один, тот что поменьше, вокруг головы, второй, побольше, вокруг верхней части туловища, и стал чем-то похож на паука окунувшегося в мыльные пузыри. Антенны на голове согнулись и жалобно скрежетали по внутренней поверхности шара. Множество маленьких лапок на туловище, также беспомощно царапали скафандр изнутри, как бы сопротивляясь постигшей их несвободе. Взяв четырьмя мощными руками установку-ранец, Лот, без какого-либо усилия, прицепил её себе на спину, и щёлкнув замками, бодро доложил:

— Командор! Я готов!

— Необходимый инструмент взял?

— Два комплекта!

Антагор удовлетворительно кивнул, и неуклюже шагая, прошёл на площадку шлюзового лифта. Мик, ощущая на себе массу искусственного снаряжения, также сделал несколько неловких шагов и стал рядом. Подошёл Лот и включил шлюз. Кабина лифта опустилась на площадку и закрыла астронавтов. Через мгновение, кабина снова ушла вверх, оставив астронавтов на той же площадке, но уровнем ниже, в переходном отсеке шлюза, где индикатор на стене уже мерно отсчитывал секунды в ожидании, когда давление в камере упадёт до минимума. Вот световой индикатор погас, стенки шлюза разошлись, а площадка, на которой они стояли, слегка подалась вперёд. У Мика перехватило дыхание. Они, три астронавта, стояли на открытой площадке корабля «Барнарда» и созерцали тишину, звёзды, и окутанную коричневой атмосферой планеты, поигрывающую светотонами в лучах местного белого солнца. Здесь, в космосе, когда один на один с безграничным пространством, как нигде ощущались величественность и необъятность огромного Мира. Мик не был новичком в космосе, он считал его своим домом, своей стихией. На созерцание не было времени, он осмотрел себя, и увидел, как жёсткие стенки скафандра распёрло от внутреннего давления, и он стал похож на надувного человечка. Дышать действительно стало тяжело, и он, тронув пару сенсоров на перчатке, изменил баланс воздуха

между стенками многослойного скафандра, а также ускорил обмен кислорода, через дыхательные фильтры. «Порядок», — сказал себе Мик, и отпустил гравитаторы. Площадка под ногами перестала ощущаться, он медленно парил в пустоте. Скованный в движениях, он тем не менее почувствовал себя необыкновенно свободным от каких-либо пут, и задор молодости опять всколыхнул его такую кипучую неуёмную энергию.

— Эх, где наша не пропадала! — закричал он и на подлокотниках ранца потянул штуцера на себя. Микродвигатели блеснули огоньками. Сделав сальто, он ушёл от площадки. Работая на пульте подлокотника, быстро переключая двигатели, словно они часть его организма, Мик закружился пируэтами, сделал круг, перевернулся и прошёлся вверх ногами перед глазами изумлённого старшины.

— Зачем же я ему инструктаж читал, если он по космосу вверх ногами ходит? — повернулся старшина к Антагору.

— Не знаю, — улыбнулся тот, — наверное, чтобы самому не забыть.

— Ладно, пора браться за работу, — старшина отключил гравитаторы и зажёл двигатели. Неожиданно его отбросило обратно и ударило головой о борт звездолёта. — Не справился с ориентацией, — оправдывался робот, — ничего, сейчасотрегулируем.

Пощёлкав на пульте, он с трудом отключил нижние двигатели и зажёл те четыре, что позади установки ранца. Но так как он уже парил лицом к «Барнарда», то поступательное движение, заданное двигателями, опять ударило его о борт, но уже плашмя.

— Ой, ой! — скрипнул робот, и после череды ругательств, заявил: — у меня с ориентацией в космосе всегда было туго.

— Вам помочь? — подоспел Мик, улыбаясь, он ухитрился кружиться почти на месте, словно танцор исполняющий танго не в пустоте, а на твёрдом грунте.

— Отвали! — гаркнул раздосадованный робот. — Зря я тебе инструкцию читал, всё равно ты сделал по-своему.

Мик поднастроил переговорник:

— Не слышу?! Что вы сказали?

Робот хотел достать его рукой, но Мик как будто ждал, что последует такая реакция, и ловко ушёл в сторону, вовремя переключив двигатели.

— А ладно, мне дальше не надо, я уже у цели, — заворчал робот. Он включил гравитаторы и в привычно быстром темпе побежал на четырёх лапах по корпусу звездолёта, изучая повреждения и накручивая себе на ум программу будущих действий.

— Хватит акробатики, Мик, — сказал Антагор, и поднявшись к корпусу корабля, он стал трогать вздувшуюся пузырями обшивку.

Мик приблизился и прокричал в передатчик гермошлема:

— Здорово его подпекло! Если обшивка «Барнарда» вся такая, до колоний нам не дотянуть!

Со стороны астронавты могли сойти за мошек с серебристыми спинками, едва ползающих и прыгающих по телу притихшего космического чудовища. Каждый из них исследовал обшивку корабля, так тщательно, будто свою родную кожу. Местами она чернела шелушащимися пятнами, местами вздулась пузырями. Мик подрезал взбухшую обшивку лазерным инструментом, разравнивал, и тут же соединял её сварочным пистолетом. Работа спорилась, и Стоун был в настроении.

— Скоро «Барнарда» засияет как новенький.

— Не скажи, — Антагор обливался потом, который, видимо, сильно щекотал ему лицо, но он терпел и настойчиво укладывал обшивку, болтавшуюся длинным лоскутом. Он машинально протёр перчаткой прозрачный щиток гермошлема, но это ни чем не помогло, пот каплями и ручейками стекал по его рубцеватому лицу.

И тогда Антагор, понизив температуру в скафандре, раздражённо крикнул:

— Слушай, если ты такой герой, помоги!

Мик включил боковые движки ранца и переместился на десяток метров вдоль корпуса корабля. Вдвоём они быстро победили непокорный лоскут, уложив его так аккуратно, что Мик залюбовался.

— Здорово!

— Косметика, не больше, — заворчал Антагор. — Без капитального ремонта не обойтись, придётся здорово раскошелиться.

— Командор! — зазвучал трескучий голос старшины в наушниках. — Нам повезло, в основном обшивка нормальная, её только кое-где покорёжило. Но «Барнарда» велик, придётся потрудиться, пока осмотрим его от радиатора до двигателей.

— Лот отлично бежит в полном вакууме, — сказал Мик.

— На своих четырёх, он везде хорошо бежит, вот только ранец никак не освоит, — ответил Антагор. — Он создан миноидами, как робот-техник, специально для обслуживания космических кораблей. Сейчас он заведётся, вспомнит прежние навыки, и нам можно отдыхать.

И Антагор нисколько не преувеличивал. Лот, тем временем, домаршировал до вершины звездолёта, и сияя прожекторными фонариками, сообщил:

— Командор! Мои глаза, мне подсказывают, что здесь работы и одному роботу мало. В бытность мою техником, я мог перевалывать столько работы! Я мог разобрать и собрать крейсер! А всё потому, что у меня четыре руки и четыре ноги, и голова технического умельца.

— Из-за твоих боевых подвигов, не видно технического мастерства, — посмеивался Антагор.

— Вы меня недооцениваете, командор. Мне бы ещё офицерское звание... — и Лот, размахивая фонариками, побежал осматривать корпус звездолёта от радиаторной антенны до хвостового оперения.

— Всё, Мик, поработали и хватит, — усмехнулся Антагор. — Остальное дело робота.

Они переместились в хвост звездолёта и устроились отдохнуть на краю гигантского сопла, напоминавшего своими размерами воронку потухшего вулкана. Таких сопел было несколько, и величина их кратеров впечатляла. Теперь Антагор и Мик вели спокойную беседу и лишь иногда поглядывали на умельца-робота, который с нечеловеческим воодушевлением: укладывал, выравнивал, сваривал, пострадавшую обшивку звездолёта.

— Тебе не кажется странным, что Паркет и Макси так долго возятся с Патронташем? — спросил Стоун.

— Нет. Все они давно списанные машины, и любой из них может выйти из строя, и не подлежать ремонту, — отвечал Антагор.

— А ты не думал взять в команду новейших роботов, и киборгов, для огневой поддержки.

— С этими роботами я начинал свой путь в космосе, я к ним привык, и не представляю у себя на «Барнарда» современных роботов. А киборги, так те, вообще, опасные машины, только создавшая их корпорация знает, что у них в программе записано.

— Смотри, а то я могу похлопотать. У меня дядя, в военных чинах, знаешь, высоко сидит.

— Уж не полковник ли элитной разведки Джеймс Брук?!

— Он самый! Начальник разведки Ставки! — чуть ли не по-детски обрадовался Мик. — Говорят, Главного видит каждую неделю. Представляешь! Ставка, «Серебряный Дракон», генералитет кругом, высшие умы, высшие чины.

— Ну, на счёт умов ты загнул, — неприятно усмехнулся Антагор. — А Ставку, так всю жизнь бы её не видеть вместе с Главным. А Брук действительно твой дядя?

— Не родственник конечно, — смутился Мик, — но он лучший друг моего отца, так что не волнуйся, поможет. А отец у меня знаешь какой! Настоящий боевой генерал!

— Отца не знаю, а вот с Джорджем встречался, — Антагор усмехнулся. — Буря, а не человек.

— Ты знал моего прадеда?!

— Скорее спроси, а кто его не знал в Большом кольце цивилизаций, уж слишком он беспокойным был, одним словом, баламут и непоседа.

— Герой! Разведчик дальнего космоса, — гордо трезвонил Мик. — Один из немногих, кто награждён орденом «Золотая ветвь Галактики»!

— Герой, это точно, — согласился Антагор, — а на счёт ордена, никогда не слышал.

— Но как же? У нас в академии все об этом знают, даже портрет есть, и орден на груди.

— В академии, может и есть, а у него ордена явно не было, во всяком случае, я не видел. Да и по-моему, все эти ордена-безделушки ему шли, как бурому быку золотые серьги. Он был человеком другого склада, да и куда ему с орденом, один на крейсере годами, а если куда и выходил в свет, кругом другие цивилизации, а у них вешать что-либо на грудь непринято.

Мик молчал, он переваривал, уж слишком непохожи рассуждения Антагора, на те, что он привык слышать, чему учился подражать. Вдруг, он спросил:

— А какой он был, мой прадед?

— Рыжий, какой же ещё, ты в сравнении с ним, так прямо, золотой цыплёнок.

— Нет, я вообще.

— А, вообще, — с пониманием кивнул Антагор. — Вообще, авантюрист и задира, почти в каждой таверне мебель ломал. Несносный, вспыльчивый тип, любил крепкое вино и не боялся сквернословить, даже в присутствии женщин. Одним словом, был таким, какими были почти все первые разведчики дальнего космоса, отчаянные, одичавшие ребята.

Мику стало дурно, он ускорил обмен кислорода в скафандре, и несколько раз глубоко вдохнул.

— Не верю, не могу поверить. Ведь всем известно, что первые разведчики были благородными романтиками, с чистыми помыслами, и галантные кавалеры.

— Кавалеров из них сделали уже потом, после смерти. Обернули в лакированную легенду и выставили на всеобщее восхищение. Никуда не денешься, легенды – фундамент любой идеологии. А при жизни Джордж Стоун был изгоем, не в ладах с Верховной Ставкой, не в ладах с семьёй, да пожалуй, и с самим собой.

За разговором они и не заметили, что старшина уже закончил осмотр всего корпуса звездолёта. Он оббежал и все сопла-кратеры больших и малых двигателей, опускаясь в каждую воронку. Он с геройским видом вылез на край гигантского кратера и, посмотрев на отдыхающих астронавтов, заявил:

— Эх, люди! Что бы вы делали без нас, роботов, со своими хилыми ручками, слабыми ножками? Весь корпус проверил, обшивку подлатал. До базы дотянем. А там, надо становиться в док и ремонтироваться капитально.

— Как двигатели? — поспешил спросить Антагор.

— Что меня всегда восхищало, — тут же переключился робот, — так это двигатели «Барнарда». Колоссальная, впечатляющая техническая энергия и надёжность, даже если «Барнарда» рассыплется на космические крупинки, двигатели ещё долго будут летать в пространстве.

— Оригинальная характеристика двигателям корабля, надеюсь, ты пошутил, — ответил Антагор.

— Шутить – моё второе призвание, — обрадовался робот, гордый за то, что наконец-то освоил труднодоступный, для мыслящих машин, человеческий юмор.

Они вошли в шлюз, на индикаторе начался обратный отсчёт. Давление увеличивалось, температура повышалась. Их обдало густым облаком газа, когда он рассеялся, люди и робот стояли абсолютно белые, как будто покрытые тонким слоем изморози.

— Как я не люблю эту процедуру, — заворчал робот.

— Ничего, не каждый день принимаешь, лучше вспомни рыжего бородатого грубияна, гостившего у нас на корабле сто пятьдесят лет назад, — отозвался Антагор.

— Я такую информацию в памяти не храню, — буркнул робот, наблюдая как температура в камере быстро повышалась и белый налёт исчезал с их скафандров.

— Прадед он, оказывается, нашему стажёру.

— Ах, да! — вспомнил робот. — Ох! И посудина у него была, на которой он ползал по космосу, даже смешно, хоть на буксир бери.

Антагор только усмехнулся, и посмотрел на приунывшего Стоуна:

— Что ж, ничего не поделаешь, у каждого своё остаётся в памяти.

Огонёк индикатора показал, что очистка поверхности скафандров от космической пыли и радиоактивных элементов закончена. Под массой снаряжения, уставшие от перегрузки, с трудом переваливаясь на «чугунных» ногах, люди прошли на техсклад. Едва они скинули ранцы и вылезли из скафандров, как в комнату вбежал Паркет:

— Пропал ракетносец! Макси на связь не выходит! Бездельник молчит!

Мик многозначительно взглянул на Антагора.

— Стоун, займись связью, отыщи хоть какие-нибудь сигналы. А мы, на всяк — случай, подготовим челнок.

— Понял! — и Мик, даже не сняв толстый комбинезон, поспешил в рубку пилотов.

Через полчаса Стоун вернулся в ангар. Антагор и старшина вопросительно взглянули на него.

— Я их обнаружил, — сказал Стоун. — Макси неудачно посадил машину, где-то у восточной окраины плато. Просит о помощи. Если я правильно его понял, наша новая техника, по неизвестным причинам, выходит из строя, манипуляторы напрочь отказываются ковырять грунт на планете.

— Что значит неудачно посадил машину? — спросил обеспокоенно Антагор.

— Зыбкий, пористый грунт, если ракетносец провалился глубоко, двигатели могли заглохнуть.

Антагор на минуту призадумался, потом распорядился:

— Лот, принеси-ка лопаты, кирки, вёдра. Если и вакуумные насосы откажутся работать, будем грести местную породу, хотя бы старым дедовским способом. Стоун, поведёшь челнок. Но только без показательных выступлений. Для меня главное в полёте — надёжность.

Всё необходимое оборудование и снаряжение уже было загружено, и Мик, устроившись за пультами, проверял, каждый сенсор, каждый сигнал: изучая приборы, пока они ещё работали на холостом ходу. Антагор, в ожидании, развалился в соседнем кресле, и с недовольным ворчанием обернулся на стук. Лот бежал, громыхая вёдрами, кирками и лопатами. Он вскочил в кабину, Мик захлопнул люк и повёл челнок к выходу.

Мутная атмосфера планеты, в которую они окунулись, не радовала. Песочная пыль и серая дымка бархатной пеленой держались среди коричневых облаков и мешали вести наблюдение. Приходилось ориентироваться по приборам, выводившим на экран управления графическое изображение местности.

Войдя в атмосферу, челнок не снизил скорость. Он только изменил направление движения. Антагор взглянул на Стоуна: лицо спокойно, разум не мечет посторонних мыслей, в глазах свобода и уверенность, посередине лба заломилась складка сосредоточенного равновесия.

«Шут с ней, со скоростью, — подумал Антагор. — Он пилот от бога; пилот, и ничего против этого не скажешь. Он с этим даром родился. Он как будто единое существо с этим малым кораблём. Космический кентавр опускающийся на чужую планету. Его мозг чувствует сигналы машины не хуже, чем импульсы собственных нервов», — Антагор улыбнулся, отметив, что не ошибся в своих рассуждениях. Мик с такой лёгкостью опустил машину в плотные

слои атмосферы, что только слабая дрожь пробежала на борту, в кабине челнока. Выполнив крутой вираж, от которого у Антагора чуть не выскочило сердце, а у робота повело фазеры в режим перегрузки, Стоун направил челнок к горной гряде, огибающей широкое пустынное плато с восточной стороны.

— Над плато буран. Макси мог оказаться в самом его центре, — заговорил Стоун.

Антагор вздрогнул, он забыл, что Мик умеет ещё и говорить. Сев ровно, он попытался сосредоточиться.

— Чертовски устал, — тихо проговорил Антагор.

— Ещё бы, за пятьсот лет, — усмехнулся Стоун, — понять можно.

Пройдя над грядой, и понизив скорость, челнок выскочил на плато, подхваченный вихрями он потерял устойчивость. И Мик, не желая сажать машину наугад, поднял её вверх, зависнув над тёмно-коричневой шапкой разыгравшейся стихии.

— Грунт зыбкий, видимости никакой.

— Поди, сядем мы здесь, не лучше Макси, — согласился Антагор. — Хочешь – не хочешь, а придётся переждать.

Стоун понял с полуслова, и направил челнок за горную гряду. Там, у обрывистых скал, нависающих над ущельями жуткими ненадёжными козырьками, Мик и посадил челнок.

— Место не очень, но отсидеться можно.

— Ох, и не нравятся мне такие места, — заворчал робот, посматривая в иллюминаторы.

— Ничего, подождём, а заодно и соберём образцы грунта, — сказал Антагор, застёгивая скафандр.

Когда астронавты ступили на неведомую планету, зыбкость грунта под ногами стала для них очевидной. Он был порист, и похож на затвердевший порошок, тёмно-коричневого цвета. Грунтовая корка, под ногами, часто проламывалась и тогда высокие ботинки астронавтов почти полностью погружались в мягкую пыль. Суровая, непрозрачная атмосфера планеты считалась бы по земным меркам слишком разряжённой, но для микродвигателей, стоявших на передвижных ранцах, она была всё же достаточно плотной, и не позволяла астронавтам перемещаться в полёте более чем на две-три сотни метров. Прodelав этот недолгий путь, Мик выключил движки и опустился на скученные валуны у хмурой отвесной скалы. Он попробовал рукой горбатый выступ и убедился, скала твёрдая и явно непористая. Рядом стал Антагор.

— Увлекаешься, Мик, — сказал он по рации. — Спалишь движки, будешь ковылять на своих двоих, — и он указал на дымящиеся отводы ранца.

— А ведь Макси прав, техника почему-то отказывается долбить этот проклятый грунт, — ответил Стоун. И что было сил стукнул остриём кирки по скале, но движение всё равно получилось излишне плавное, какое-то неживое. Мик ударил ещё несколько раз, и от скалы всё-таки отвалился вполне приличный кусок. — В ведро не войдёт, — сказал Стоун, склонившись и внимательно изучая раскол. Осмотрев излом скалы, он изумился: — Что здесь может понять неспециалист? — он провёл перчаткой. — Шершавая, поблёскивающая крупинками порода. Возможно, это кварц, или мелкозернистый гранит, а возможно, и не то и не другое. Вот и всё, что я могу сказать.

— А нам и не надо много понимать. Наберём, а там пусть специалисты голову ломают.

— Так знать бы где набирать?! Что они узнают по нашим случайным образцам?

— Чудак! Желают узнать больше, пусть высылают экспедицию. Они хотят, не выходя из кабинета, познать весь Мир. То им привези, то им доставь.

— Командор! — послышался в наушниках рык старшины, который усердно трудился на другой стороне ущелья. — Бросайте вхолостую языками бузить, да без толку на скалы глазеть, собирайте инструмент, пора работу заканчивать!

— Мы не управились, нам ещё долго упираться.

— Зато я управился, всё равно больше грузить некуда. Все контейнеры я заполнил доверху, на замки не закрываются, в ведра насыпал под завязочку, а самые крупные образцы сложил прямо в кабине, даже у пульта, так что придётся потесниться. Куда грузить больше, ума не приложу.

— Так позволё, получается, образцы все из одной скалы? — спросил Антагор.

— А разве плохо, сразу собрали, сколько надо, и не будем на пустяки отвлекаться. Макси будем искать.

— А как же учёные будут определять состав недр планеты? Только по снимкам из космоса?

— А что? Учёным надо, пусть думают, пусть высылают экспедицию, не хватало, чтобы я — боевой робот, ещё и умом надрывался, собирая камни.

— Каков командор, такова и команда, — махнул рукой Мик, и внимательно осмотрел ущелье, которое вдруг преобразилось под лучами восходящего белого светила.

Верхушки скал своими отточенными гранями засверкали, заиграли мозаикой блёстков, тёмно-бордовые небеса покраснели и приобрели ярко-оранжевую окраску, мрак испуганный лучами восходящего диска поспешил убраться из ущелья прочь. Неожиданная смена дня и ночи ослепила астронавтов, они стояли на валунах и жмурились, от яркого света, прикрывая лица руками.

— Утро! Утро! — кричал в невероятном возбуждении Мик. — Настоящее, природное утро!

— Что за шум ? — возмутился робот, уже ожидавший их у челнока. — Не вижу повода веселиться, при такой нестабильности в природе, невозможно работать.

— А, что ты понимаешь, коробок. Я уже несколько лет не видел настоящее утро. Только сплошные сутки, сутки, сутки, на кораблях, в космических городах, на базах, на станциях. А здесь, на планете, каждое утро происходит настоящее чудо, сменяется ночь на день.

— Ну и пусть себе сменяются, только зачем столько неудобств, — и далее робот понёс окоlesiцу, так как из-за ярких лучей у него перемкнуло зрительные контакты. Когда усилием стабилизаторов, он всё же раскрыл глазные каналы, то увидел нечто такое, что заставило его одним прыжком, перемахнуть через борт челнока и замереть в кабине от ужаса. — Командор! — заорал он в переговорник. — Мик! Спасайся, кто может! Мы погибли!

От сильного звука, больно дёрнувшего ушные перепонки, Антагор и Мик широко раскрыли глаза. Блеск быстро исчезал, кое-где сверкая радужными переливами. Потемневшие, резко проступившие скалы, теперь походили на коварных гигантов, свысока посматривающих на смельчаков. Прошло лишь пару мгновений и небо преобразилось, стало похожим на месиво из крови и пыли, сквозь которое, словно узник в заточении, проглядывало потускневшее местное солнце.

Мик озадаченно хлопал глазами, и не мог понять толи мрак опять заполнил дно ущелья, толи ...?

— Да ведь это же ...! — только и смог воскликнуть он, так как кровь в венах сжалась, будто свернулась, а его самого сковал неподдельный ужас.

Скалы треснули глубокими изломами, а низина ущелья, вся, словно паутиной, покрылась бездонными провалами, в которые сыпался зыбкий грунт. По мере того, как грунт осыпался, трещины росли в ширину, заглатывая всё новые и новые участки ущелья. И судя по тому, как быстро уходили в них песок и пыль, глубина разломов не уменьшалась, а скорее наоборот, росла.

— Что это? Что происходит? — только и смог спросить Мик.

Антагор уже обрёл самообладание, и живо жестикулируя, пытался втолковать роботу, что надо быстро поднять челнок. Но Лот только выглядывал из кабины, словно Ной из спаси-

тельного ковчега, и осматривался, тараща перепуганные глаза на площадку вокруг челнока. Площадка уменьшалась в размерах, съедаемая со всех сторон прожорливыми изломами.

— Поднимай челнок! Поднимай! — кричал надрываясь Антагор.

— А как же вы?! — орал в ответ робот и испуганно озирался.

— Эх, сделали тебя миноиды! — в отчаянии махнул рукой Антагор, и буркнув что-то невнятное Стоуну, включил микродвигатели ранца.

Мик также не терял ни секунды, поднялся над валунами и, включив поступательное движение, последовал за Антагором. Как только астронавты отделились от скалы, они поняли, что потеряли слишком много времени, и теперь всё решит случай, или судьба. Ветер в ущелье усилился, и слабые движки с трудом тянули вперёд, сопротивляясь шквальным порывам стихии. Но вот волна мощного воздушного потока ударила о скафандры, и астронавты замерли над глубокой расщелиной, в которой господствовал бездонный мрак. У Мика перехватило дыхание, когда он заглянул в это царство тьмы. Он тут же перевёл взгляд на спасительный челнок, до которого ещё было не меньше сотни метров. Посмотрел на робота, прыгавшего по кабине, словно конь во хмелю, на площадку, ставшую таким малым пятчком, что в любую секунду челнок мог уйти под грунт, и тогда... Мик не хотел думать, что будет потом, он боролся за жизнь. Включив на предельные обороты нижние движки ранца, он медленно продвигался вперёд, наклоняясь под неистовыми порывами ветра почти горизонтально. Он уже преодолел широкий излом, когда заметил, что Антагора рядом нет. Он попытался развернуться, желая осмотреться, что было с его стороны непростительной ошибкой. Порыв ветра с силой ударил в грудь, массивные потоки увлекали его обратно, а работающие на износ двигатели, повинаясь стихии, перевернули его несколько раз вверх ногами и швырнули вниз. Мик ухватился руками за края излома, но грунт осыпался, словно не имел никакой опоры. Мик неистово грёб руками, поднимая тучу пыли и пытаясь удержаться. Ничего не помогало, ни ветер припечатавший его к стенке излома, ни движки ранца работающие в полную мощь. Он медленно опускался во мрак. В крошечной темноте Мик, лихорадочно перебирал пальцами пульт, пытаясь включить, хотя бы один из маяков. Дно ногами он не ощущал, как и не слышал порывов ветра. Вот, вдруг, так неожиданно зажёгся долгожданный свет маяков-фонариков, один на шлеме, другой на плече. И Мик с удивлением заметил, что он не опускается, а поднимается, толкаемый вверх нижними движками. Но он тут же усомнился в своей догадке, подумав: «Может я не поднимаюсь, а продолжаю опускаться, только уже вниз головой?» Увидев зыбкие края излома, и небеса окрашенные во все коричневые оттенки, Мик несказанно обрадовался. Призрачное счастье длилось недолго, секунду-две, и тревожная мысль, казалось, ворвавшаяся вместе с воем ветров, заставила его усомниться в главном – в спасении. «А что если, он выберется из трещины, а челнока-то уже и нет, ушёл под грунт?!» От этой убийственно-страшной мысли, ему стало холодно, опустились руки, и он услышал одинокую песнь Вселенной звучащую в его ушах на мотив героического, но всё же траурного марша. Как бы там ни было, а движки продолжали потихоньку тянуть астронавта вверх.

Неожиданно, в наушники Стоуна, прорвались до боли знакомые голоса:

— Он где-то здесь, — стрекотал Лот.

— Ты точно видел, что он упал в эту расщелину? — слышался говор Антагора.

— А куда же ещё?!

— Так вон же их сколько!

Сверху, совсем рядом, забегали по стенкам огни маяков.

Мик, от внезапно нахлынувшего тепла и счастья, потерял способность бороться. Он ляпнул в переговорник, какое-то глупое приветствие, и неожиданно для него самого почему-то закружился, осматривая вокруг неустойчивый грунт. Он не знал, что Антагор специально поставил челнок к расщелине левым бортом, прикрывая этот участок грунта и от шквальных ветров, и от чрезмерного осыпания. Воздушные порывы ударяли в идеально обтекаемые борта

челнока, но сорвать с места не могли. Устойчивые гравитаторы, словно невидимые якоря, удерживали космическую машину на месте. Он не знал, что в этот самый момент, старшина захватил его лишь одним пальцем руки, за отводы ранца, и поэтому дико возмущался, что опять находится вверх ногами.

— Вот вредный, — говорил Лот, перегнувшись через борт челнока, и пытаясь ухватить ранец понадежнее. — До чего же он противный, наш стажёр, — ворчал робот.

— Это вы обо мне, такое говорите? — послышался голос Стоуна.

— О ком же ещё, горе ты наше, — возмутился робот.

— Я категорически возражаю и считаю такую характеристику крайне необъективной.

— Видали! Он ещё и возражает, суслик, — робот крепко ухватил ранец, и легко, без усилий, поднял Стоуна в кабину челнока.

Оставив Мика среди камней, восстанавливать самочувствие, робот захлопнул боковой аварийный люк и с генеральским жестом, сказал: «Поехали!»

«Сколько их здесь, этих самородков? Всю скалу старшина разобрал, что ли? — недоумевал Мик. — По всей кабине одни камни, — на вираже его стукнул зернистый самородок, и Мик возмущённо закричал: — Послушайте, а по аккуратней нельзя, не только же камни везёте!»

Но лёгкий челнок продолжал петлять, то падая вниз, то резко поднимаясь вверх. Антагор, видимо, пытался удержать его на гребне вихревого потока, но воздушный океан бросал машину из стороны в сторону, так же просто, как песчаную крупицу.

— Эй! Я так не согласен, я так никогда не приду в норму! — кричал Мик, ударяясь о камни, которые ходили ходуном, сыпались с боковых сидений, катались по полу, наваливались всей тяжестью на возмущённого стажёра. От быстрого смещения тяжести в кабине, челнок становился всё более неустойчивым, но Мик, героически расталкивая камни, добрался-таки до кресла пилота.

Антагор вёл машину и отчитывал робота. Старшина оправдывался, используя для этого свой разносторонне - собранный лексикон.

— Из-за твоей нерасторопности, чуть не погибли, — сердился Антагор.

— Так кто же знал, что оно всё разом треснет, так хорошо было, и на тебе, рухнуло в преисподнею.

— Олух, сделанный такими же олухами, — вынес заключение Антагор.

— Так, командор! Я бы поднял машину, но вы?! Вы могли упасть туда, вниз.

— И ты глазел, куда мы рухнем?

— Чтобы знать, где искать вас. Если бы я не глазел, нашли бы мы стажёра? Нет!

— Хитрец, лучше молчи, не то фазеры поведёргиваю.

— Не надо фазеры, они с каждым днём работают всё лучше и лучше.

— Что-то не видно.

— Эй, господа! — вмешался возмущённо Мик. — Кто так челнок водит? Совсем поехали?

— Я вожу! — невозмутимо ответил Антагор.

— Оно и видно! Глухой слепец, на ощупь, и тот лучше справился бы с управлением.

— Не всем же летать, как птицы.

Мик сел на полу и устало облокотился о противоположную сторону пилотского кресла, пытаясь расстегнуть скафандр. — Куда летим? — спросил он.

— Возвращаемся на «Барнарда».

— Как?! — Мик привстал. — Мы не заедем на плато?

— Ураган! Плато и горная гряда вся покрыта тучей пыли. Придётся выждать.

— Тогда, действительно, лучше на «Барнарда», — Мик прикрыл глаза и задремал.

Несколько суток бушевал ураган над планетой, за это время на «Барнарда» смогли установить точное местонахождение упавшего ракетносца. Они даже разговаривали с Макси и выяснили, что Бездельника в кабине нет.

— Где-то бродит Бездельник, — ворчал старшина. — А вообще-то дел у нас осталось — пустяк. Зацепим тросом ракетносец и вытащим их, как сусликов из норы.

Но Антагор был иного мнения, он, как всегда, готовился тщательно, продумывая и проверяя всё до мелочей. Не раз приговаривая: «Чем меньше случайностей, тем больше шансов на успех». И если вторая ходка на планету, старшине казалась просто прогулкой, то Антагору, настоящей спасательной операцией. Координаты были известны, и челнок завис над плато, мигая сигнальными огнями и пуская дымку. Экипаж через видеокамеры изучал обстановку и местность.

Буря улеглась. Пустынное, занесённое коричневыми песками плато со всех сторон окружали высокие, мрачные скалы. В своём затаённом жутком молчании они напоминали застенчивых дев, склонённых в глубокой скорби. Прикрывая лица и тощие фигуры чёрными плащами, они, словно просящие у алтаря, смиренно сложили руки, в ожидании своих непорочных принцев. Отец — воздушный океан, ласкающий дочерей ветрами, будто горячие слёзы, ронял с небес метеоры, огненными стрелами пронзавшие то тут, то там, пелену тёмных облаков.

Мик, в порыве чувств, не выдержал и заговорил:

— Недаром в каталоге она называется планетой «Стареющих Дев». Я представляю, как восхитились такими пейзажами первые разведчики, высадившись на одном из таких плато, — Мик вертел око видеоискателя, стараясь запечатлеть картину во всей её скорбной красоте. — Интересно, они дождутся своих принцев, или нет? — улыбнулся Мик. — Бьюсь об заклад, они не будут рады их нашествию.

— Какая нам разница, дождутся они, не дождутся, — сердился старшина, захлопнув шаровидный скафандр вокруг головы и туловища. — Работа стоит, а мы уже битых полчаса на скалы глазеем.

— Не на скалы, а на грунт, — поправил Антагор друга, — здесь грунт такой же как в низинах ущелий. Пористая слегка затвердевшая пыль. Раскалывается трещинами, потом разломы осыпаются, их заносит пылью — ветрами.

— Ракетносец упал в одну из таких расщелин - ловушек, прикрытую сверху мягкой пылью, не успевшей затвердеть, — сказал Мик.

— Видимо, так, — согласился Антагор. — Теперь надо суметь аккуратно посадить челнок, чтобы самим не угодить в ловушку.

И тут Мик впервые продемонстрировал Антагору и старшине свою необыкновенную смекалку и ювелирную технику управления летательными аппаратами. Он убрал стойки-лапы, приготовленные было для посадки. Полностью погасил двигатели, и на одних включённых гравитаторах, миллиметр за миллиметром, принялся нажимать брюхом челнока на грунт. Чуть приподнимаясь и снова опускаясь, он постепенно утрамбовал для себя площадку. Сила мощного гравитационного поля, создаваемого установками, и вес челнока, сделали грунт твёрдым, а площадку надёжной.

— Кажется, сели, — сказал, рассмеявшись, Мик. — Отсюда и взлетать будет удобно.

Антагор и Лот только почесали затылки, не зная, как прокомментировать такое искусство посадки.

Астронавты, облачённые в скафандры, осторожно ступили на плато. Они обозначили предполагаемое местонахождение ракетносца, расставили вокруг вакуумные насосы, подсоединили к ним заборники, для всасывания песка и пыли, и начали раскопки. Специальная установка - «рубака» острыми быстрыми лапами взрыхляла грунт, а насосы равномерно втягивали, поднимавшиеся пыль и песок, и рассеивали их по плато, за пределами раскопок. И люди, и роботы, только благодаря широким ступам, надетым на ноги, передвигались по зыб-

кому грунту. Робот Множитель управлял техникой, Мик и Антагор ожидали результат, а старшина шагал туда-сюда, и рассуждал:

— Сейчас главное, чтобы насосы выдержали. Защиту мы поставили, но эти магнитные вихри над планетой, могут нарушить нам все планы. А копать шанцевым инструментом, даже при моей работоспособности, дело нескорое. А тут, того и гляди, новый буран в атмосфере накрутит.

— Хвост! Хвост виден! — закричал Стоун.

— У кого хвост? У меня? — забеспокоился Лот.

Четыре сопла ракетносца чётко обозначились на дне глубокой ямы. Антагор с опаской посмотрел на небеса, где сквозь сгрудившиеся тучи молниями пробивались к планете огненные метеориты.

— В верхних слоях атмосферы настоящие метеоритные дожди. Если попадём под такой дождь, уйти не успеем, корпус пробыёт, — сказал Антагор.

— Постараемся проскочить, сейчас главное, чтобы вновь буран не разыгрался, — ответил Мик. — Ветер крепчает, а мы ещё кабину ракетносца не откопали.

— Послушай, боевой техник, — обратился к старшине Антагор, — долго ещё насосам качать грунт?

— Смотря какой грунт, — отозвался Лот, с видом знатока-инженера, расхаживая вдоль ямы и время от времени поглядывая вниз. — Главное система работает, а рано или поздно...

— Послушай, а побыстрее никак нельзя? Погода видишь, опять буран собирает.

Робот посмотрел на хмурые небеса, пошевелил на ветру антеннами, измерив скорость ветра и шквальные порывы, уже поднимавшие пыль, закручивая её в высокие коричневые спирали, и деловито заявил:

— Попробовать, конечно, можно.

— Лот, мне случайности не нужны, — предупредил Антагор. — Работаем чётко, слаженно.

— А как же, мы роботы всегда работаем чётко, сказано-сделано, — и старшина, выключив насосы, по-стариковски кряхтя, полез в яму.

Обхватив сопла двигателей всеми своими руками, он поднатужился и дёрнул вверх, да так, что ракетносец, вздрогнул, будто его кто-то подтолкнул снизу. Потрясенный песок, вокруг корпуса космической машины, пошёл трещинами и стал осыпаться. Края ямы закрыла шелковистой пеленой, вздыбившаяся пыль.

— Поддаётся, командор! — закричал повеселевший робот. — Поддаётся!

— Он, кажется, совсем рехнулся, — прокомментировал увиденное Мик.

— Бросайте трос! Что бы вы без меня делали, люди! — заорал старшина в переговорник, показывая руками, что готов к работе.

Антагор хотел было возразить против такой поспешности, но увидев, что буран уже не на шутку разгулялся на западной стороне плато, дал добро.

— Давай-давай, тяни помалу! — командовал Лот, придерживая трос от чрезмерных вибраций, который одним концом крепился к ракетносцу, а другим к челноку.

Мик, за пультами челнока, поддавал гравитаторам малую тягу, и они, толкая машину чуть вверх и вперёд, натягивали трос, с каждым усилием освобождая ракетносец, пленённый столь коварной и ненадёжной планетой. И вот уже робот Макси, выбравшись из кабины, смущаясь, всем отвечал одно и то же:

— Невезуха, господа, бывает. Невезуха, что поделать, — в который раз развёл руками робот. — А Бездельник пропал. Пропал Бездельник. Он пошёл первым, и потерялся. Когда же я выбрался на поверхность, гудела буря, сыпал песок, и никого, нигде не было. Я счёл разумным спрятаться обратно. А он не вернулся, и потерялся.

Ракетоносец, у которого, к счастью астронавтов, оказался работоспособным один из двигателей, без особого труда и происшествий отбуксировали на «Барнарда». Дождавшись спокойной погоды, редкой гостье на этой суровой планете, экипаж «Барнарда» начал поиски пропавшего Бездельника. Сколько раз они облетали плато, сколько раз посылали сигналы, прощупывали локаторами грунт. Всё напрасно, нигде они не обнаружили Бездельника. На эти поиски, длившиеся семь суток, они израсходовали весь запас горючего, припасённый на борту «Барнарда» специально для челнока и ракетносца.

Последняя ходка на планету осуществлялась, скорее, в научных целях, чем в поисковых. Поэтому, челнок завис над скалами, в ожидании пока с помощью недролокатора будет выбран нужный объект.

— Вот эту скалу надо разрушить, — показал старшина пальцем на экран.

— Должен предупредить, — заговорил Стоун, — горючего осталось, пару раз обойти плато и вернуться. Дальнейшие поиски не только бессмысленны, но и опасны. Можем не подняться за пределы планеты, особенно с грузом.

— Ладно, готовьте буровой снаряд, — вздохнул устало Антагор.

— Есть! Снаряд к старту, — обрадовался старшина.

Через двадцать минут, когда улеглась порода и пыль, поднятая взрывом, Мик посадил челнок у разрушенной скалы. Астронавты, выбравшись на грунт, принялись за работу. Скала напоминала сломанный зуб. Антагор и Мик, с помощью ранцев, передвигались вверх и вниз, фотографировали срезы и изломы, опускались в глубокие провалы. Старшина и Множитель, у подножия скалы, перебирали образцы, сортировали их и раскладывали в контейнеры. Крупные самородки, с большим количеством кристаллических вкраплений, несли прямо на челнок.

День на планете «Стареющих Дев» клонился к сумеркам, а они всё ещё ковыряли разрушенную скалу. При свете мощных прожекторов, нацеленных из челнока, развалены скалы казались раскрытым ларцом доверху заполненным драгоценностями. Но это, поверхностное впечатление, было ошибочным. Твёрдых корунда-содержащих пород попадалось мало, а самородков с ценными кристаллами и того меньше.

— Труха! Опять труха! — расшвыривал старшина слипшиеся песчаники. — Зря только гору разворотили! Эй! Чего нашёл?! — крикнул старшина Мику через переговорное устройство.

— Здесь, у подножья, попадаютса небольшие лужицы, толи вода, толи кислота. С чего бы это?

Робот спустился с отвалов, и ломая лапами хрупкую корку грунта, приблизился к одной из них. Прозрачная лужица занимала не более чем полуметровое углубление в отвердевшем пористом грунте, и всю булькала наружу пузырями, будто кто-то пытался вдохнуть в неё жизнь. Старшина с любопытством тронул её ногой, наблюдая, как на вязкой поверхности совсем не возникло колебаний.

— Чудеса, — зарокотал он и хотел повторить. Но только он приблизил ногу, как жидкость тут же ушла под грунт, просочившись сквозь поры. — Нет, ну это уже чудеса! — воскликнул он, обалдевший. Лот потрогал опустевшее место, и ничего не обнаружив, приблизился к другой лужице побольше. Она заклокотала, и тоже скрылась под грунтом. — Нет, ну нас роботов так просто не проведёшь! — расвирепел старшина и, выхватив из чехлов арсенала пушки, пустил пару убийственных лучей в грунт.

Что-то зашевелилось под коркой, вздыбило её, образовался маленький холмик из песка. Старшина мигом навёл оружие, но холмик, раскалывая корку и рассыпая в стороны песок, стал быстро перемещаться у старшины под лапами. Робот, недолго думая, заплясал на месте, выпуская луч за лучом у себя между лап. Комок под грунтом неистово заметался у подножия скалы, и старшина дико крича бросился за ним в погоню. Антагор угрюмо уставился на происходящее, потом крикнул:

— Лот, брось ты чепухой заниматься! Я, кажется, нашёл стоящие корунды!

— Как бросить! Я же охотник! — кричал старшина, бегая у подножия скалы и стреляя из лазерных пушек. — Я не могу остановиться, пока не прикончу дичь!

Но «дичь» скрылась сама, и раздосадованный охотник полез на отвалы, поминутно озираясь.

— Ух, догнал бы, не простил бы, — сердито шипел он.

Работа была закончена и можно было осмотреться, слегка передохнуть. Антагор стоял у челнока и с лицом философа наблюдал, как метеориты яркими молниями пронзают небо. Мик стоял рядом и тоже глазел. Старшина таскал найденные самородки к челноку, поднимался по трапу и опускал их в кабину. Множитель уже сидел там и делал вид, что помогает, показывая Лоту на ещё не заполненные места.

— Сорок два, сорок три, — считал Множитель, — перемножить бы пару раз, — не выдержал он.

— Перемножь-перемножь, — стряхнул песок с пальцев старшина и пошёл за следующими образцами.

— Смотри, Мик, — говорил Антагор, — редкие небесные тела достигают планеты. Одни метеориты рассыпаются, так и не долетев до атмосферы. Вторые – сгорают, столкнувшись с трением. Третьи – сумев пробиться, блеснут ярко и гаснут, быстро разрушаясь в холодных облаках. И только единицы способны соприкоснуться с мечтой, достигнуть того, к чему стремятся.

— Всё зависит от массы, — пожал плечами Стоун, — чем больше энергии, тем больше шансов пробиться.

— Не скажи, — улыбнулся Антагор, — многое зависит и от погоды на сегодняшний день, — весьма загадочно обронил он.

Старшина уже закончил погрузку, когда он услышал слова произнесённые Антагором:

— Сгинул наш Бездельник, пропал. На первое ответственное задание пошёл и «сгорел», растворился, как и не было.

Старшина отдал Множителю крупный самородок, и сердито воскликнул:

— Вот она, благодарность человеческая! Пашешь - пашешь, глыбы ворочаешь, а честь и хвала Бездельнику!

Когда челнок, сделав прощальный круг над плато, взмыл вверх, старшина всё ещё недовольно ворчал, а Множитель искоса на него посматривал и счастливо потирал ладони, приговаривая: «Закончилась работа, закончилась. Негоже боевому роботу трудом увлекаться».

Антагор молчал, прощаясь с планетой. Неожиданно, поток воздуха ударил в левый борт челнока, его потянуло в сторону. Тяжёлые самородки посыпались к правому борту, челнок накренился, вздрогнув в неустойчивом положении. Но это длилось всего пару секунд, не больше, Мик ловко вывел машину на воздушный поток, и словно птица в своей стихии, набирая скорость и высоту, повёл челнок на орбиту.

— За что мне нравится наш стажёр, — успокоившись, затарахтел Лот, — за то, что если он у пульты, остальные, могут быть спокойны.

Антагор повернулся и с укоризной взглянул на своего друга.

Челнок, прибывший на борт крейсера «Барнарда», встретили шустрый Макси и услужливый Паркет. Экипаж выбрался из кабины и разминал, кто лапы, кто ноги.

— Зря вы так убиваетесь, командор, — подошёл успокоить Паркет, — всё равно от Бездельника пользы никакой, только каюту занимал.

Антагор отдал шлем и скафандр Паркету, и прежде чем уйти из ангара, ответил:

— Поставишь на ноги Патронташа. Сколько с этим тянуть? Пора бы и поднапрячься.

— Если надо и постараемся, и поднатужимся.

— Вот-вот, — ткнул пальцем в грудь самоуверенному роботу Антагор, — давно пора и постараться, и поднатужиться.

Хингар.

«Барнарда» снялся с орбиты планеты, и ушёл в открытый космос. На звездолёте тянулись нескончаемой чередой тоскливые, однообразные сутки. Вахта в рубке пилотов, потом проверка всех систем корабля, и отдых. В свободные часы Мик искал себе занятие, так чтобы и с пользой, и для души. Он придумывал игры для роботов, и сам участвовал в них, совершенствуясь в счёте и в комбинациях. У Антагора имелась огромная библиотека из книг, из фото, и видео каталогов. Там Мик мог почерпнуть много интересного. Да и сам Антагор способен был увлечь слушателя рассказами о различных Мирах, о мало известных событиях, о прошлом планеты Земля. В спортивной комнате Мик упражнялся на механических тренажёрах, отрабатывал броски на борцовских куклах, колотил «грушу». В спаррингах с Лотом, он совершенствовался в боксёрских приёмах. Надо сказать, что старшина оказался внимательным и аккуратным тренером. Частенько Стоун наведывался в тир, где Лот раскрывал перед ним все секреты владения лазерным и огнёмётным оружием. Так и проходили сутки за сутками, пока «Барнарда», преодолев более двухсот парсек, израсходовав почти весь запас топлива, достиг одного из Миров.

Мегаполис Хингар снискал себе дурную славу. Во всех навигационных атласах, контролируемые мегаполисом сектора, значились, как особо опасная зона. Давались тщательные рекомендации, как избежать неприятностей. Автопилоты, на звездолётах, настойчиво рекомендовали экипажам обходить Хингар стороной, не менее чем за три парсека. Ещё во времена могущества миноидов мегаполис Хингар стал самым крупным центром космического пиратства, пристанищем бродяг и скитальцев, от уголовников до романтиков космических дорог – ловцов удачи.

Бродяги были ненадёжным воинством, но ужас на разноликие Миры наводили регулярно, и даже совершали набеги на пространства землян и миноидов, чем вызывали у тех раздражение и гнев, и обещание, скорой и жестокой расправы. Но пока две могущественные цивилизации занимались тем, что сводили счёты друг с другом, Хингар расширялся, строился, набирал силу. Этот город – цивилизация, даже пытался бороться против вуанцев, за контроль над колониальными секторами.

Зловещая слава этих мест не пугала Антагора, и «Барнарда», снизив скорость до минимума, медленно двигался вдоль нескончаемой вереницы конструкций, состоящей из цилиндров и сфер, сцепленных между собой многочисленными соединениями. Конструкция занимала орбиту вокруг красного карлика – слабой, маленькой звезды, снабжавшей энергией огромный мегаполис.

— Итак, перед нами Хингар, — произнёс Антагор, глядя на большой экран и постукивая пальцами о подлокотник командорского кресла. Он не прикасался к пультам, так как Мик отлично справлялся с управлением крейсера.

— Интересно, на какие средства они строят новые терны? — спросил Мик, которого раздражала загадочно-зловещая улыбка, появившаяся на измятом шрамами лице Антагора.

— Известно, на какие! — опередил с ответом старшина, сидевший в своём любимом кресле и с восторгом таращивший глаза на экран. За что и заслужил неодобрительный взгляд командора. Но Лот уже завёлся, и без каких-либо задних мыслей, беззаботно продолжал: — Мы не были здесь уже лет двадцать. Правда, командор?! А за это время, сколько новых ангаров поставлено, сколько новых сфер – просто загляденье. Молодцы! Живут же цивилизации!

Вдруг, Лот вскочил и замахал руками.

— Смотрите! Смотрите! Новый орбитальный космодром строят! А вон, кажется, будет энергетическая станция. Какая мощь! Какая сила! Сколько коптят мои контакты, ничего подобного не видел!

Мик перевёл взгляд с пультов на экран. Строительная площадка, примыкавшая к одной из гигантских сфер, состояла пока лишь из густых строительных лесов и блоков сваренных друг с другом, и могла произвести впечатление, разве что своими масштабами. Энергостанция, ставившаяся чуть повыше космодрома, была и того более далека до завершения. Она напоминала своей формой огромный скелет будущего параболоида, который, вероятно, будет обращён своими чувствительными приёмниками к чахнувшей бордово-красной звезде. Что правда, у строительных лесов космодрома и станции, всюду кипела работа, сотни строительно-монтажных автоматических кабин с длинными гибкими манипуляторами, управляемые роботами-пилотами, вели сборку, сварку, подгонку всего комплекса. Эти кабины, на тёмном фоне космоса, чем-то походили на головы кальмаров с многочисленными щупальцами. А рядом юркие глисеры, словно стайки рыбёшек, в лёгком плавном движении перемещались по космосу, они доставляли грузы и разборные конструкции к месту строительства.

— Древнейший космический город, один из крупнейших в Большом кольце цивилизаций, — повёл рассказ Антагор, будто экскурсовод о местной достопримечательности. — Он занимает по окружности практически всю орбиту вокруг звезды - «карлика». Мне рассказывали легенду, что первые терны, здесь поставили ещё древние дарбы, в те времена, когда о миноидах никто и слыхом не слыхал. Потом его строили могущественные атланты, потом...

— Ну да, зато теперь строят пираты, — с брезгливым пренебрежением перебил командора Мик.

— Не пираты, Мик, — возразил Антагор, — пираты здесь, всего лишь вуаль, прикрывающая истинное лицо и далеко идущие планы здешних правителей. Сейчас делят власть в Галактике, и правители Хингара не прочь погреть на этом руки.

Сферы и цилиндры шли вперемежку. Иногда во много пальцевых связках было больше сфер, иногда цилиндров. В сферах-глобулах размещались жилые кварталы, а в цилиндрах - тернах — производственные цеха, или вместительные ангары для звездолётов и другой космической техники. Сферы горели светом тысяч иллюминаторов, которые в случае опасности закрывались на бронированные жалюзи. Цилиндры же, снаружи, имели лишь сигнальное освещение и были либо идеально гладкими, либо щетинились жёсткими иглами. Каждая из конструкций, будь то цилиндр, или сфера, имела свой защитный пояс, мигающий предупредительными огоньками. При внезапной атаке на мегаполис, включилась бы лучевая защита и неприятелю пришлось бы потратить немало сил, чтобы повредить, эти, на вид, нестойкие соединения.

«Барнарда» продолжал двигаться вдоль сооружений, настойчиво запрашивая у диспетчеров разрешение на посадку. Везде ответ был один и тот же: «Барнарда» не зарегистрированное судно, и свободных мест в ангаре, для шустряков — единоличников, нет».

— Вот тебе и прибыли! — возмущался Лот. — Вот что значит посещать знакомые места через двадцать лет. Мы к ним со всей душой, а они нас не признают.

— Да, изменился здешний климат, изменился, — замысловато проворчал Антагор. — С холодком принимают.

— Нас могут и вовсе не впустить, — заметил Мик. — Интересно, что мы будем тогда делать? Совершенно без топлива, без ремонта, да и провиант на нуле.

— Смотрите! — вскричал Лот. — Смотрите, «Пилигрим»!

Все обратили внимание на корабль, не спеша двигавшийся к тернам.

— Что-то непохоже, — засомневался Антагор, — звездолётов такого типа, здесь пруд пруди.

— Да точно! Точно это «Пилигрим». Только Краплёный Вилли подаёт при посадке такую мозаику сигналов. Нам повезло, командор. Помните, сколько дел мы с ним наворотили. Это неслыханная удача, встретить друзей в такой момент.

— Да, это удача, — согласился Антагор, и переключился на связь с «Пилигримом». — Что такое? Они поменяли коды? Они нам не отвечают.

— Надо бортовыми попробовать. А ну-ка, стажёр, поддай огоньку! — командовал робот.

Но прежде чем «Барнарда» включил все бортовые огни, «Пилигрим» скрылся в коридоре шлюза, одного из тернов.

— Нет, ну так невозможно работать! — закричал Лот. — Запросите «Пилигрим» через диспетчера, командор!

— Отворот нам поворот, диспетчер говорит, у него таких инструкций нет.

— Посулите подарки, командор!

— По рации, на весь эфир? — Антагор облокотился о спинку и заложил руки за голову, теребя пальцами серебристые локоны.

«Барнарда» ещё долго летал вдоль космического города, пуская искру гаснущими двигателями, пока один из ангаров всё же согласился его принять. Мик развернул звездолёт, и ловко, как будто всю жизнь, только и делал, что водил крейсера, направил его в открывшийся шлюз. Проведя «Барнарда» по тесному коридору, Мик уверенно посадил громоздкий звездолёт на узкие магнитные блоки.

— Наш стажёр набирает день ото дня! — в восторге заявил Лот. — Он чувствует технику не хуже нас, роботов.

Мик задорно улыбнулся и мельком взглянул на Антагора, в глазах которого читались печаль и усталость.

Старшина и Мик готовились к выходу. Антагор отдавал последние распоряжения Паркету, к большому неудовольствию старшины, опять назначенному на звездолёте исполняющим обязанности командора. Антагор оделся, что называется, по-простецки: в свободные штаны, цвета меди, в такую же просторную, но короткую куртку, того же медного цвета, закрытую на молнии почти к самому подбородку, и в высокие застёгнутые под самые икры серебристые ботинки, какие в те времена обычно носили астронавты.

— Я заказал ремонт и топливо, — назидательно говорил он. — Люки никому, ни под каким предлогом, не открывать, даже полиции.

Паркет и Макси одновременно утвердительно кивнули. Сделав несколько шагов и сунув под куртку квантер, Антагор обернулся:

— А полиции тем более. Мы на Хингаре, не забывайте!

У лифта появились Мик и Старшина. Они с недоумением взглянули на Антагора.

— Так легко одеваются только на праздник, — загудел недовольно Лот.

— Как-никак в город идём, — усмехнулся Антагор.

Старшина и Мик переглянулись. Лот в свои арсеналы вложил оружие, на корпус надел броню, на голову — лёгкий прозрачный шлем, сквозь отверстия в котором торчали пантовые антенны.

— Ну, я думал? — промышчал робот.

— Как думал, так и оделся, — заметил Антагор и осмотрел Мика, не знавшего, что сказать.

«Наверное, я сглупил, — подумал Стоун, — перестарался». Несгораемые высокие ботинки, цвета стали. Огнеупорный, бронированный комбинезон серебристо-синего цвета. Бронежилет на спину и грудь, шлем десантника, оснащённый спектральными линзами и всеволновым передатчиком. В руках «универсал-алмаз», снятый с предохранителя и мигающий оранжевым пульсаром.

— Ты куда собрался? — спросил Антагор.

«Да, так и есть, для городских условий я оделся слишком круто, — рассердился на себя Мик. — Послушался робота, теперь вот буду, как пугало среди прохожих. Ведь очевидно, если всегда осторожный Антагор не беспокоится о своей безопасности, то мы и впрямь глупо нарядились», — но вместо отступления, Стоун перешёл в атаку.

— Всё-таки гнездо пиратское, кругом бродяги и разбойники. Я бы и вам посоветовал, экипироваться соответственно с обстановкой.

— Да, стажёр прав, — вмешался старшина, который внимательно наматывал суть разговора на приёмники своих фазеров. — Негоже разгуливать по мегаполису с таким беззаботным видом. Возьмите хотя бы лазерное ружьё, не помешает.

— Зачем? — удивился Антагор. — Если робот у меня бьёт десятку со всех рук, а стажёр не пропускает даже сутки, тренируется в моём тире.

— Да, это верно, — согласился старшина. — Будьте спокойны, командор, мы позаботимся о вашей безопасности.

Оказавшись на улицах города, Мик понял, что Антагору взять лазерное ружьё было бы совсем нелишним. Разноликая, гомонящая на всякие языки толпа, двигалась без какого-либо порядка. К трудностям для пешеходов, улицы сужались, а толпа росла, и чтобы пробиться к площади приходилось работать не только ногами, но и локтями, плечами, а иногда и головой. Антагор, заложив руки в карманы своей короткой куртки, с маской некоего безразличия на испаханном жизнью лице, пробивался плечами сквозь толпу, которая, казалось, назло лезла ему наперерез. У него это получалось неплохо, и Мик, даже позавидовал. Старшина, тот шёл напролом, как бульдозер, расчищая себе дорогу тяжёлыми мощными руками. Тоже было чему позавидовать, не крупному и невысокому Мику, чей вес вместе с ботинками, снаряжением и оружием, едва ли превышал семьдесят пять килограмм. Его бесцеремонно толкали, затирали, растягивали, разминали, как несозревшее тесто, вращая туда-сюда и двигая совсем не в ту сторону, куда он стремился идти. Одним словом, несмотря на грозное вооружение, с ним никто не хотел считаться, и он чувствовал, что задыхается от негодования. Его даже несколько раз сбивали на пол, он вскакивал и угрожал, сыпал проклятиями и водил лазерным ружьём. Но никто не обращал на него внимание, тут казалось вообще никто ни на кого не обращал внимание, каждый жил по-своему и спешил по личным делам.

Столпотворение мегаполиса уже начинало порядком раздражать. Покрутившись в потоке тел, у Мика, вдруг создалось горькое впечатление, ощущение того, что некий Великий Творец здорово пошутил. Собрал в единую корзину представителей многих цивилизаций, тщательно встряхнул, смешав в единую массу, и высыпал в один из своих ульев, названный Хингар, заставив каждого двигаться по велению какого-то загадочного инстинкта известного только ему — Творцу.

Трудно было понять, кто здесь и откуда. Тут похоже пригнулся сброд со всех Миров и колоний, и Мику, как воспитаннику военно-космической академии, как потомственному солдату, было чуждо это дикое воинственное разноликое общество. Мик протискивался, пролазил, проскальзывал, расталкивал и пробивался, а если надо и отбивался, в общем любые приёмы шли в ход, лишь бы не отстать от своих, не затеряться в толпе.

С горем пополам, со счастьем попеременно, Мик изрядно потёртый, но готовый драться ещё и ещё, наконец-то выбрался на площадь. Переведя дух, он бросил внимательный взгляд по головам, идущих впереди, и с досадой отметил, что знакомых, почти родных макушек, он не увидел. На площади было посвободнее, и он смог осмотреться, отряхнуться.

«Космический Вавилон, не иначе, — подумал Мик, — здесь, пожалуй, собрались все кого наплодила Галактика за миллионы лет».

Чинно и важно расхаживали толстяки: носы, словно кнопки, уши — крупные морские раковины. Рослые худошавые мутанты, скаля зубы, свирепо глядели по сторонам, и дымили

через трубочку, обладая прохожих пьянящим ароматом. Торопились по делам прыщавые гиганты. Тут же толкались крючконосые горбатики. И чешуйчатые золотокожие, с пепельными лицами суровые существа, о происхождении которых можно только догадываться. А под ногами, подобно шпионам, то тут, то там, крутились шустрые карлики, поглядывая на всех злобными глазками. Здесь были и миноиды-отшельники, гордо ожидавшие у опор и стен, когда поток пешеходов поредет. Здесь же у стен, поджав ноги, со скорбным видом сидели невероятно тощие риганопусы. Со стороны случайному наблюдателю могло показаться, что они, уж очень нуждаются, и просят милостыню. Но Мик знал, чего они ждут – очередного просветления, выпрашивая у Высшей силы прибавку к мудрости. Видел Мик и старых знакомых, массивных сутулых вуанцев, неуклюже шагающих нерасторопными ногами.

Мелькали на площади и человеческие лица, а также их разнообразные мутации. Представители земной цивилизации глядели на Стоуна как-то уж слишком недоверчиво, даже с опаской, и пытались поскорее скрыться в толпе.

«Неужели я такой страшный? — думал Мик, шагая по широкой ярко освещённой площади. — Понятно только одно, здесь все вооружены и недружелюбны. Даже риганопусы сидят вооружёнными, вот уж чего никогда не видел в руках Мимаса, так это оружия». И Мику Лот, вдруг представился, если не мудрецом, то во всяком случае вполне здравомыслящим роботом, а Антагор, воображающим из себя молодецкую удадь, брюзжащим стариком.

Ближе к центру площади разноликого народа становилось всё меньше, и у Мика появилась надежда отыскать своих. Он неустанно вертел головой, но ни Антагора, ни старшины обнаружить не мог.

— Где они запропали? — шептал он, и обходил гогочущих толстяков и праздношатающихся мутантов.

Неожиданно, общий беспорядок нарушился, спешащие и просто слоняющиеся стремительно расступились, образовав большой плотный круг. Мик, ещё не поняв в чём дело, тоже поспешил выйти из круга, не желая оказаться в центре внимания. Второпях поправив шлем, он обернулся и замер, он смотрел и не верил своим глазам. Лот ли это? Старшина сцепился с каким-то киборгом, от колоссального напряжения у обоих заклинило арсеналы, и они не могли воспользоваться оружием. Киборг, массивный и высокий из боевых удалыцов, навалился сверху на плечи старшины, ухватив несчастного двумя внушительными руками за загривок. Но несчастный крепко упёрся снизу, вцепившись повыше круто выпяченной груди, почти у самого горла, и делая руками колебательные движения, похоже, хотел оторвать противнику голову. Оба хрипели и рычали, в мёртвой хватке они так и ходили по кругу, а толпа ржала и улюлюкала в едином порыве, подбадривая бойцов. Вот киборг приложил усилие и подбросил Лота, словно акробат партнёра. Но тот крепко держался за грудки и легко опустился на четыре лапы. Киборг ещё раз, дёрнув за загривок, подбросил робота, теперь уже старшина замелькал кверху лапами почти вертикально, но так же легко удержался и стал на пол, чем вызвал бурный восторг у зрителей. Используя своё четырёхлапое преимущество, робот освободил пару своих рук, и придерживая противника второй парой, стал наносить удары по перекошенной, рычащей гневом физиономии киборга. Публика заплодировала, кое-кто уже начал делать ставки.

Хрусть! Хрусть! От ударов Лота трескали контакты на помятом лице киборга. Ух! Ух! Подбрасывал робота вверх массивный киборг. Они ходили по площади, как слоны в свободном акробатическом танце, а рядом, шагах в десяти, опасаясь быть раздавленными, металась хозяйева сцепившихся машин — Антагор и какой-то старый вуанец.

Трудно сказать чем бы закончился этот поединок, не подоспей вовремя отряд полиции. Площадь мигом опустела, даже у лениво слоняющихся, нашлись срочные дела. На месте происшествия остались два десятка вооружённых до зубов полисменов, да офицер — все в тёмной спец форме с суровыми непроницаемыми лицами. Офицер потребовал объяснений у Антагора и старого вуанца. Робот и киборг стояли поодаль и, видимо, сцепились бы снова, если бы их

не разделяла цепь вооружённых солдат. Два полисмена подвели к офицеру встревоженного Мика, плохо понимающего местные языки. Офицер, видимо, из потомственных колонистов, осмотрел с ног до головы Стоуна, и с пренебрежением спросил:

— Землянин?

Мик кивнул.

— Кто таков? — повёл допрос офицер, уже на языке землян.

Мик не знал, что ответить, и исподлбья поискал глазами Антагора.

— Он мой телохранитель, — вмешался Антагор.

— Телохранитель? — переспросил офицер у Стоуна.

— Так точно, — встал на вытяжку Мик, стараясь произвести впечатление. — При исполнении обязанностей, при полном вооружении.

— Так, по новому закону нашего правительства, господину капитану корабля, разрешается брать себе в сопровождение одного телохранителя, — сказал офицер. — Ваше личное оружие? — обратился он к Антагору.

— При мне всего лишь квантер, господин офицер, — Антагор расстегнул куртку.

— Так, слабо вооружённому господину, по нашему новому закону, разрешается только один телохранитель. А у вас их два! Вы преступили закон!

— Ну почему же, — невозмутимо ответил Антагор, — этот робот, мой техник. Разве запрещено технику сопровождать капитана?

— Да какой он техник! — сунул нос вуанец.

— Не надо меня учить, проверим, — и офицер поманил робота к себе.

«Сейчас что-то будет», — подумал Мик, увидев с какой бравадой подошёл Лот.

— Техник? — спросил офицер.

Лот посмотрел на офицера так, как будто тот оскорбил его до самых глубоких контактов.

— Он техник, — Антагор приложил ладонь к плечу друга.

Робот почуял недоброе и, размякнув, заблеял овечкой:

— Я техник, господин офицер, — сказал он как можно мягче. — Сопровождаю в пути господина Антагора.

Офицер подозрительно покосился, сказав:

— Открыть арсенал.

Лот, с самым безмятежным видом, открыл одну пару чехлов, потом другую.

— Что там?

— Как что? Всё что понадобится технику в работе, —

Лот вытащил отвёртку, потом вторую, ключи, термодатчик, разъёмы, и ещё всякую всячину. — Убедились, у меня и проводники есть, могу показать.

— Нет, достаточно. По новому закону, слабо вооружённому господину, разрешается посещать наш мегаполис в сопровождении одного телохранителя и одного техника.

— Да какой же он техник?! — зарычал взбешённый вуанец. — Я требую разобраться! Он же дерётся, как настоящий боевой робот!

— Это моё второе призвание... — начал было Лот, но получил толчок от Антагора и запнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.